

ХОЗЯЙКА ЗАБЫТОГО ПОМЕСТЬЯ

ИЛИ
ДРАКОН, НЕ СУЙСЯ ПОД ЛОПАТУ!

НИКА КРЫЛАТАЯ

Ника Крылатая Хозяйка забытого поместья, или Дракон, не суйся под лопату!

<https://litres.ru/74469738>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Негладкого тебе пути, моя дорогая жена, – издевательски пожелал мне «муж». Даже платочком помахал.

И вот я трясусь в карете, уезжая в далекое поместье. Рядом сидит старая служанка, и непрерывно причитает о моей невинно загубленной жизни.

А я пытаюсь понять – что здесь происходит? Я вообще-то должна стоять в вечерней пробке на выезд из города. Меня ждет любимая дачка. Я всю неделю работала ради выходных, чтобы заняться грядками и клумбами.

– Обветритса личико нежное, испачкаются ручки мягкие, – рыдания служанки уже действуют мне на нервы.

– Знаешь что? – не выдерживаю я. – Лучше я испачкаю руки, чем протяну ноги!

Я попала в тело молоденькой жены какого-то негодяя. Этот... нехороший человек сослал ее в далекое разрушенное поместье. Ладно, разберусь. Попривыкну, обживусь и устрою «мужу» небо в алмазах. Вон, дракон какой-то еще под ногами крутится. И его к делу пристрою. Как говорится, и мужик в доме, и скотина в хозяйстве! А вот не надо было мне под лопату лезть!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	66
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10	97
Глава 11	107
Глава 12	117
Глава 13	128
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Хозяйка забытого поместья, или Дракон, не суйся под лопату!

Глава 1

– Ну не надо так горько рыдать, моя драгоценная женушка, – звучит издевательски очень красивым мужским голосом. Я бы сказала, чарующим.

С трудом открываю глаза. И мутно вижу перед собой красивого, холеного мужчину. Высокий, статный, с мужественным лицом. Но почему-то одет по моде прошлого, если не позапрошлого века.

– Вы чудовище! – сбоку раздаётся старческий скрипучий голос. – Да как вы смеее выгонять Эмилию из ее собственного дома? Да что на это сказал бы старый граф Арундел?

– Заткнись, старая карга! – рявкает мужчина. – Когда ты уже запомнишь, что граф Арундел – это я? И всё это, – взмахивает рукой, – принадлежит мне. По закону. И королевскому указу.

– Шарлатан и мошенник! – опять говорит старушка. – Мы пойдем к королю! Он вас разведет и Эмилия получит всё обратно!

Мужчина смеется. Громко, от всей души. Красивый, но, похоже, гнилой внутри. Это, к сожалению, часто встречается.

– Вы обе сейчас сядете в карету и укатите на Север. В этот забытый всеми богами Торнхейм. И будете сидеть там до конца жизни. Но ты, старуха, можешь не волноваться. Долго ты там не протянешь.

– Чудовище! – выкрикивает старушка.

И я с ней согласна. Что это вообще такое?

Да, кстати, что это такое? Откуда взялся этот средневековый альфонс посреди пятничной пробки? Это мне так голову напекло? Да вроде в машине кондиционер работает отлично.

– Я не... – хочу сказать, что никуда не поеду, но мой голос звучит совсем не так.

Тихий, мелодичный, даже робкий. И очень молодой.

– Поедешь, – чеканит мужик. – Эмилия, ты мне надоела. Убирайся вон из моего дома.

А старушка сказала, что это дом этой Эмилии. Получается, красавчик тот еще гад.

– Извините... – незнакомый голос снова настораживает.

Да где мой обычный, нормальный голос?

– Ты так и не научилась нормально разговаривать, – картинно закатывает глаза мужик. – Извините да простите. Тебе самой не надоело? Ты безвольная и бесхарактерная. Даром что красивая. Ну и богатая. Была.

Мужик издевается. А я пытаюсь осознать происходящее.

Красивой я не была даже в молодости. А сейчас так и вообще женщина с изюминкой. Но точно не красавица. А что до робкой и безвольной... Вот бы мои коллеги сейчас дружно у висков покрутили.

Я начальник финансового отдела. У нас робкие не выживают.

– Я буду жаловаться на вас королю! – а старушка боевая.
– Вам титул передали из милости. А вы... Вы...

– Заткнись уже, – обрывает ее мужик. – Ты мне тоже надоела. У вас два... Ладно, три часа, чтобы собрать вещи. А потом вы или сами сядете в карету, или вас запихнут. Так что не злите меня. Сейчас же пошли вон отсюда. Обе. И помните мою доброту. Я бы мог запретить брать вам даже половую тряпку из этого дома.

– Да ты... – я хочу сказать, что офигел. Но в мою руку вцепляется старушка.

– Эмилия, детонька моя, идем скорее. С этого негодяя станется оставить нас без всего.

Перевожу взгляд на старушку. Невысокая, полненькая. Лицо в морщинах, из-под чепчика выбиваются седые волосы. На вид ей лет семьдесят, не меньше. Одета во все черное. В ее когда-то голубых глазах жалость и слезы.

– Идем, милая, – крепко вцепившись, тянет меня к двери.
– Бедные твои родители. Глядят на нас с небес и плачут. Какому чудовищу тебя в жены отдали!

Это да. Мужик тот еще козлина и придурок. Только я не

замужем. Сходила разок. Не очень удачно. И второй раз пока туда не хочется.

– Эмилия, три часа, – чеканит мужик. – Ни мгновением больше.

– Я не... – да не Эмилия!

Аня я уже сорок пять лет. Даже Анна Васильевна.

– Боги вас еще покарают, – грозит старушка, с удивительной силой утаскивая меня. – Обидели сироту беззащитную! Чести у вас нет и совести!

– Идите уже! – психует мужик. – Еще хоть слово и выставлю прямо так!

Старушка поджимает тонкие бескровные губы. И тащит меня с утроенной силой. Иду, но очень хочется остаться и сказать этому муженьку пару ласковых! Но старушка тащит меня через коридор в холл, а потом к лестнице и на второй этаж. Я успеваю только мельком разглядывать интерьер старого дома.

Старый особняк семьи аристократов – делаю вывод. Много дерева, всякие банкетки и вазы, заметила камин. Вдоль лестницы висят портреты. Наверняка владельцев этого дома и их родных.

Остановиться и все разглядеть мне не дают. Старушка спешит дальше по коридору, ворча:

– Какого змея в семью приняли! Ваши родители его сыном считали. Родовались, какого хорошего мужа вам нашли. Уверены были, что в надежные руки отдают. И волноваться

не о чем. А он? Тьфу! Негодяй! Подлец! Траур еще не кончился, а он уже титулом хвастается!

Я запоминаю все, что говорит старушка. Вдруг пригодится. Кажется, она единственная, кто может позаботиться об Эмилиии.

– Ох, деточка моя, ну почему судьба так к тебе жестока? Родителей отняла. Теперь и дом отнимает. А как вился! Как вился-то! Как ухаживал! И меня, дуру старую, тоже провел. Детонька, я ж тоже думала, что счастье свое ты нашла. Будешь жить и горя не знать. Вышивать да музицировать. А там бы и деток родили.

Ага, а тут реальностью по лицу.

И всё-таки, что происходит? Я же на дачуехала. Где родная пробка на выезде из города?

Старушка дотаскивает меня до открытой двери в спальню. Там роются в ворохе платьев две женщины, по виду похожие на горничных.

– Вы что творите?! – возмущенно кричит старушка. – Как вы обращаетесь с платьями Ее Светлости?

– А нам милорд разрешил забрать всё, что приглянется, – с наглым смешком заявляет одна из них.

Ну и пакостный недомужик у этой Эмилиии в мужьях! Ужас просто. Мой бывший по сравнению с ним еще и получается белый и пушистый.

– Оставьте платья и вон отсюда! – железным тоном приказывает старушка.

– Сама вон отсюда, старая корова, – смеются горничные.

Но старушка так просто не сдается. Налетает на девиц и отбирает платья. Хватает какую-то клюку и, осыпая ударами, гонит нахалок прочь. Надо бы помочь, но я опасаясь вмешиваться.

– И на глаза мне не попадайтесь! – машет клюкой. Захлопнув дверь, снова поворачивается ко мне: – Ах, детонька, давай садись в кресло. Отдохни. Ты такая бледная. А я вещи сложу, которые эти воровки растащить не успели.

Берет меня за руку сухими цепкими пальцами. Ведет через комнату. Усаживает в кресло, подставляет пуфик под ноги. Носится как наседка с цыпленком.

Я в шоке и растерянности, поэтому не сопротивляюсь. Да и, как поняла, Эмилия эта... ммм, скажем так, по характеру довольно мягкая. Очень странно, если вдруг начнет всех тут строить.

– Вот, детонька, посиди. А я сейчас быстренько уложу вещи. Ах, голубка моя, какая несправедливость!

Старушка всё причитает и причитает, а я внимательно слушаю, разглядывая комнату. И пытаюсь осознать: у меня с головой всё хорошо или как?

– Ох, а голубого с золотом платья нет! – возмущается старушка. – Уперли, негодяйки! И башмачков, шитых серебром, тоже нет!

Медленно обвожу взглядом комнату. Половину занимает большая кровать с балдахином. С одной стороны стоит тум-

ба, на которой лежит книга. На окне прозрачный тюль и тяжелые синие занавески. Так, рядом с креслом, в котором я сижу, стоит высокий круглый столик. Мой взгляд упирается в портрет.

Наверняка родители Эмилии. Мужчина значительно старше жены. Солидный, с седыми пышными усами и остатками шевелюры вокруг лысины. Нежно держит за руку жену. Высокая очень красивая блондинка смущенно улыбается. Разглядываю портрет внимательно. Если через пять минут не окажусь в родной пробке, надо как-то аккуратно вывести имена.

«Эй, Эмилия! Алё, ты тут?» – спрашиваю себя мысленно.

И ожидаю услышать ответ. Но в голове тишина. Прекрасно, тело ее, а сознание – мое. Силюсь найти в памяти хотя бы имена родителей несчастной девушки, но всплывают данные отчетов, номера счетов и всякие пароли. Даже те, которые напрочь давно забыла!

«Я хочу обратно!» – непонятно, к кому обращаюсь.

Но я хочу обратно. Честно слово, больше никогда не буду жаловаться на пробки и идиотов на дорогах! И даже о боссе не буду думать плохо. Ну, хотя бы так часто.

Зажмуриваюсь. Медленно считаю до ста.

– Ох, негодяй! И украшения же все отобрал! – ругается старушка, сбивая меня со счета.

Все равно досчитываю. И, открыв глаза, снова вижу комнату. Миленькая. Такая прям девичья-девичья. Светлая, вез-

де рюшечки, розовенькие и синие цветочки. У меня от такого количества текстиля дергается глаз. Это ж как все стирать и гладить!

Моя квартира – чистый минимализм. Я или на работе, или на даче. По расписанию бегают робот. Периодически вызываю клининг. Вот на даче я сама на участке ковыряюсь. Душой там отдыхаю. И лечу потрепанные нервы.

Так, дальше стоит туалетный столик, типа трельяжа. Удобно, кстати, в таком смотреть на себя со всех сторон. Я в детстве у бабушки зеркальный коридор делала.

В зеркале вижу лицо очень миленькой блондинки, одетой в черное. Я даже голову поворачиваю, чтобы увидеть ее. А потом до меня доходит – это же Эмилия! То есть я.

Медленно поднимаю руку. Отражение проделывает то же самое.

Ох, ну до чего же красивая! Черты лица точеные, носик аккуратный, кожа нежная такая. А глаза грустные, заплаканные. Оно и понятно...

У Эмилии еще и волосы роскошные. Такой оттенок светлого золота. И черная повязка его еще больше подчеркивает. Повернув голову, кошусь на зеркало и вижу, что волосы на затылке собраны в очень большой пучок.

Опускаю взгляд на себя. Хм, грудь я такой не видела лет так десять точно. А настолько тонкой талии у меня и не было никогда. Смотрю на руки. До чего же белая и нежная кожа. Пальчики длинные и тонкие. Аккуратные ноготки не накра-

шены. Уверена, нога у нее тоже размера тридцать пятого.

В общем, Эмилия – полная моя противоположность. Я, в родном теле, невысокая и полноватая. Руки вечно загорелые. И ладонь у меня... Крупненькая, в общем. Да и брюнетка я. Раньше каре стригла, а сейчас коротко, типа пикси.

И вот это юное воздушное создание отправляют куда-то в холода?

У меня такая волна негодования поднимается, что едва усиживаю в кресле. А хочется пойти и вломить муженьку! Ты смотри, мерзавец какой!

Останавливает только голос разума. Раз этот недомужик может такое устроить, то и чего похуже легко сотворит. А у меня в соратницах только деловитая старушка. Няня или просто преданная служанка?

– Ничего, детонька, выживем как-нибудь, – я снова прислушиваюсь к причитаниям. – Я прясть умею. Да и вязать могу платки кружевные. Как-нибудь прокормлю нас.

Меня трогает такая забота. Снова катятся слезинки. Но и закипаю сильнее. Ей давно пора на пенсию. Как она прясть-то собралась?

– Ох, – тоненько вздыхаю.

Надо еще что-то сказать, а я не знаю, как тут разговаривают.

– Мне лучше. Я помогу.

Ну до чего же тихий голос. Нежный, мелодичный. У меня совсем не такой.

– Да что ты! – старушка бросает на меня возмущенный взгляд. – Ты же леди! Я сейчас быстренько. А ты пока вышивкой отвлекись.

Упс. Если руки автоматически не вспомнят, я попала. Все мои умения в шитье – дырку на носке зашить.

Совесть не позволяет дальше сидеть сложа руки.

– Я помогу, – говорю чуть настойчивее.

Чем привожу старушку в панику. Как бы узнать, кто она для Эмилии и как зовут.

Сунув платочек в карман платья, решительно иду собирать вещи.

Глава 2

И быстро понимаю, что толку от меня ноль. Понятия не имею, как такие платья укладывать в сундуки.

– А кофты? Штаны? – нежно звучит голос.

– Леди штанов не носят! – пугается старушка.

– Но Север...

– Холодный воздух тебе вреден. Зимой в доме будешь.

Нечего по морозу гулять, личико обветривать.

Ясно-понятно. Если Эмилию так оберегали, то понятно, почему она такая.

– Собери рукоделие. Да книги свои, – ласково говорит старушка. – Не переживай, детонька, старая Нэнни позаботится о тебе. Как заботилась о моей дорогой Мелиссе. Ты вся в нее. Такая красавица. Да только Мелиссу твой папенька замуж взял. А тебя... Такой негодяй! А ведь как клялся, что любит больше жизни! Как ухаживал! Подлец двуличный! Всем головы заморочил!

Ага, то есть муженек – брачный аферист обыкновенный. Красивый, прям мечта тестостероновая. Да и голос обалденный. Ничего удивительного, что Эмилия в него влюбилась.

Бросив взгляд на красивые, но явно летние платья, иду искать рукоделие и книги. Одна на тумбе лежит. Открываю. Стихи. Быстро пролистав, понимаю, что это сонеты о любви.

Романтичная натура у Эмили. Но читать и писать явно

умеет – это плюс.

Я бы не стала тащить эти книги, только место займут, но пришлось паковать. Сложила вышивку, нашла в тумбе какие-то письма. Потом читаю.

Сама удивляюсь своему хладнокровию. Но у меня так бывает. Как экстренная ситуация, так мозг работает четко, а потом накроет. Ну ладно.

– А деньги? – спрашиваю.

– Есть немного. Я ж почти жалованье не тратила. На первое время хватит. А там боги помогут, устроимся как-нибудь.

– Платья продать можно, наверное, – произношу осторожно.

– Не позволю! Пока я жива, ничего продать не позволю. Спать не буду, но не позволю.

Ладно, не будем волновать пока старушку. Без нее я тут не выживу. Хотя надеюсь всё же проснуться у себя.

И пока старушка отворачивается, сую в корзинки и сундуки статуэтки. Может, это тоже можно продать.

– Собрались?

Дверь распаивается с грохотом, как будто ее открыли пинком. На пороге появляется муженек. Улыбка у него такая мерзкая, так бы и врезала! Самодовольный хозяин жизни.

– Пошевеливайтесь! Мне надоело ждать!

– Это мой дом.

Таким нежным и робким голосом это звучит ни разу не

внушительно.

– Ну и что? – муженек смеется. – Твой папаня, примите боги его дух, оказался доверчивым дураком. Чтобы тебя не обобрали до нитки, сделал меня управляющим всего состояния.

Рука сама тянется к клюке. Но я понимаю, что физически против него – муха.

– Давайте быстрее, карету уже запрягают.

– Негодяй! – грозит ему кулаком Нэнни.

У меня рвутся куда как более нецензурные выражения. Больших усилий стоит промолчать.

– Нам нужны деньги, – говорю я, и муженек поднимает брови.

– Какие, дорогая? У тебя целое поместье будет. На доход с него и живи.

Он уходит, оставив меня скрипеть зубами. Я же ничего не понимаю в управлении поместьями!

Так, стоп! Я вообще не собираюсь здесь задерживаться. Верните меня обратно! Я хочу на свою любимую дачу, я не хочу ехать в чужое поместье!

А пока не придумала, как оказаться дома, придется устраиваться тут. Буду считать, что прохожу квест.

Но с деньгами надо что-то решать. Должны же тут быть барахолки? Я надеюсь, что есть. Потому что вещей в доме красивых много. Надеюсь, они еще и дорогие.

– Ох-ох, хоть бы в сундуки не полез. Я на дно сунула

украшения Мелиссы. Уж на них этот подлец никакого права не имеет. Бедная моя Мелисса. Видит все оттуда, и плачет не переставая над нашей судьбой. Выгоняют ее дочь из собственного дома! Сколько труда она вложила, сколько денег! Вкус у нее такой изящный был! А теперь этот гад всё здесь трогает своими лапищами грязными!

– Мы за сундуками, – через пять минут в комнату бесцеремонно входят двое плечистых мужчин.

– В комнату леди, да без стука и позволения! – отчитывает их Нэнни.

Но те только ухмыляются. Хватают сундук и уходят.

Ну раз дом всё равно мой, то формально я ничего не ворую. И пока сундуки и корзинки таскают к карете, я пытаюсь сформировать финансовую подушку. А попросту – прихватываю самые, на мой взгляд, красивые вещицы.

– Ты что тут шляешься, как призрак? – от рыка муженька подпрыгиваю.

– Прощаюсь с домом, – у меня даже всхлипнуть получается.

Красивый дом. Я такие особняки на экскурсиях в Питере и Москве видела. Хожу с печальным видом, прикармливая тут статуэточку, там милые часики с тумбочки. Несколько кружевных салфеточек. В столовой ложечки. И нет, мне не стыдно.

Я всё еще жду, что сейчас снова окажусь за рулем своей машины. Но вот уже вещи грузить закончили, а я всё еще

здесь.

– Да подавись ты! – ругается Нэнни. – Лишнего куска хлеба им жалко! Да моя крошка и так почти ничего не ест! От горя скоро растает!

Это да. Эмилия ну очень уж тонкая. Статуэточка хрустальная. Холить и лелеять такую.

Интересно, куда подевалась обладательница этого тела? Раз я здесь, может, она там? В смысле, в моем теле. Только бы не это! Я же за рулем. А тут явно машины еще не изобрели. Перепугается. Да и стопроцентно авария будет.

Нэнни ругается за провизию нам в дорогу, а я продолжаю печально бродить по гостиным и коридорам. Надеюсь, кольца для салфеток что-нибудь стоят.

В моей корзинке с рукоделием скопилось несколько мелких вещей. Под подолом плотного черного траурного платья тоже припрятано немного.

Ужас, чем занимаюсь. Давайте меня обратно возвращайте!

– Ну всё, хватит тут рыдать уже, – брезгливо произносит муженек.

Грубо хватает меня за локоть и тащит к выходу. Упираюсь, потому что быстро идти мне нельзя.

– Тащишься, как немощная! – рывкает он, отпуская меня. – Дайте им еще еды, и пусть уже едут. У меня есть гораздо более важные дела. Надо съездить на примерку моего нового костюма, а потом я договорился посмотреть скакунов.

– Чтоб ты с него свалился и шею свернул! – желает ему Нэнни.

В принципе, я с ней согласна. Уж лучше вдовой, чем с таким мужем.

– Выпороть тебя за такие слова! – злится муженек. – Еще слово и без медяка в кармане останетесь! Пешком пойдете! Убирайтесь! Надоели!

– Тьфу! – плюет ему под ноги Нэнни. Цепляет меня за локоть. – Идем, детонька. Но мы еще вернемся! Королю напишем!

– Удачи, – издевательски произносит муженек.

Меня буквально выволакивают из особняка. Возле крыльца стоит реально карета, запряженная парой лошадей. Я лошадей люблю, но издалека.

– Самую развалюху выбрал, – ворчит Нэнни. – А какие экипажи остаются!

– Она не развалится? – спрашиваю с опаской.

Все мои познания о каретах почерпнуты из фильмов и экскурсий. Но даже на мой дилетантский взгляд эта темно-коричневая карета выглядит ну очень плохо. Какая-то перекоренная, краска облупилась почти везде, щели. Чудо, если она вообще хоть куда-то доедет. И не развалится по дороге. Лошади тоже выглядят не ахти. Но я в лошадях разбираюсь еще хуже, чем в каретах.

У муженька совсем лопается терпение.

– Запихните их уже, – приказывает он.

И знакомые дюжие мужчины подхватывают нас и реально просто запихивают в карету. Я не успеваю даже пискнуть, а вот Нэнни проклинает всех. Сунув нас на потрескавшиеся сиденья, дверь захлопывают.

– Пшли! – кучер щелкает вожжами.

– Негладкого тебе пути, моя дорогая жена, – издевательски желает «муж».

Даже вон платочком белоснежным машет.

Лошади цокают по камням, и карета медленно катит по дорожке к воротам. Муженек шагает рядом.

– Не скажу, что очень огорчусь, если вы перевернетесь где-нибудь. Но обещаю выдержать траур.

– Не дождешься, – шиплю я. Чем, похоже, очень удивляю этого придурка.

Такая рожа у него изумленная становится! Я ехидно улыбаюсь. Надеюсь, что ехидно. Не знаю, какое выражение на лице Эмилии.

– Какой подлец! – бушует Нэнни. – Его за такое надо в тюрьму посадить! Обманщик! Мошенник!

Полностью согласна. Я знаю его несколько часов, а уже ненавижу. Бедная Эмилия! Какой монстр ей в мужья достался.

Стоит вон, платочком машет. Радостный такой. Я, высунувшись в окно, прожигаю его взглядом. Нет, точно вернусь, если домой не перекинет. Вернусь и сама лично пинками отправлю его из этого дома.

А дом красивый. Белоснежный, в три этажа. С балконом и под черепичной крышей. Как игрушечный. Да и внутри хорош. Сад тоже прекрасный. И большой. Эмилия здесь жила бы без забот и хлопот.

– Подлец. Негодяй. Мерзавец. Павлин, – бухтит Нэнни. – А как красиво пел. Ну чисто соловей. Обманщик.

Плюхаюсь на сиденье, поднимая облачко пыли. Скрип сиденья добавляется к скрипу кареты. Похоже, эту рухлядь решил муженек утилизировать вместе с Эмилией. Сидеть жестко и неудобно.

Но мне в голову приходит одна мысль:

– А я разве не могу кучеру приказать отвезти нас в другое место?

– Нет, детонька, – сокрушенно качает головой Нэнни. – Не осталось старых слуг в доме. Всех разогнал, проклятый. А эти тебя не слушаются. Наивное ты дитя.

И сколько же лет этому «дитю»? На вид вполне себе взрослая девушка. Но будет очень странно, если я спрошу, сколько мне лет. Нэнни решит, что я умом тронулась от горя.

Эй, кто там меня сюда забросил? А память мне дать? Силы какие-нибудь? Что это за произвол такой?

Ага, так мне и ответили. Может, это вообще сон. Медикаментозный. Или коматозный. Не знаю, что и думать.

Поэтому молчу и смотрю в окно. Мы явно в дорогом районе города. Вон какие дома за коваными оградами. Сплошь особняки. Кареты по улице катят позолоченные, расписные.

На нашу кучеры смотрят брезгливо. Да даже породистые лошадки смотрят брезгливо.

Карета останавливается. Хотела оказаться в пробке? Пожалуйста. Из кареты напротив на меня смотрит леди. Я таких на портретах видела. Красивая, накрашенная, уложенная и увешанная украшениями. Морщит нос, брезгливо поджимает губы. Смотрит на меня как на прокаженную. Поразглядывая, задирает нос и демонстративно отворачивается.

– Несчастливая ты моя деточка, – всхлипывает Нэнни. Часть ее монолога я пропустила мимо ушей.

– Как же ты выживешь там, цветочек нежный? Холодно. Голодно. Погубил, погубил злодей проклятый такую красу! Да чтоб ему эти деньги поперек горла встали! Ах, беззащитная ты моя голубка! Изгнал, треклятый, из родного дома! Да к драконам под бок!

Погодите! Тут еще и драконы есть? Мир магический, получается? Еще очень хочется узнать, тут – это всё-таки где.

Надо же знать, где буду приключаться. Приключения я люблю, но с дивана. У меня из экстремальных развлечений только поимка медведок и планерки с боссом. И меня это полностью устраивало! Кринолины и драконы хороши на страницах книг.

Я с трудом сию со скорбным видом. У меня миллион вопросов. Но задавать их не рискую. А то еще отвезут не в поместье, а в местный Бедлам.

– Ох, детонька. Голубка ты наша нежная. Цветочек ты

оранжерейный. Не достанешься дракону. Не позволю.

– Съест? – всё-таки вырывается у меня.

Нэнни замолкает. Смотрит на меня в шоке. Как будто я величайшую глупость сморозила. Ну, может, так и есть.

– Лучше бы съел, – смущенно произносит. – Надругается. Драконы охочи до красивых девушек. Заманивают красивыми речами да богатыми подарками к себе в спальню. И пользуются.

– Мой муж – дракон? – теперь уже в шоке я.

Нэнни пугается. Смотрит на меня пристально.

– Ты что, детонька! От горя помещалась? За дракона тебя бы не выдали. Джеймсон Ламли твой муж. Чтоб его дракон сожрал!

Глава 3

Теперь я знаю имя проходимца, соблазнившего Эмилию.

Нэнни зло продолжает:

– Такой ведь обходительный был. Какие букеты дарил! Слова какие говорил! Клялся, что любит тебя. Обещал заботиться! А сам?

Я молчу. Смотрю в окно и пытаюсь не морщиться. Карета ужасна. Катит медленно, а ее так болтает! Пытаюсь отвлечься, разглядывая улицу. Пусть Нэнни болтает, может, хоть что-то запомню.

– Подлец! И негодяй! Траур только завтра утром закончится, а он уже выставил нас! Ни чести, ни совести у него нет! Пусть его боги покарают! Бесчестный мерзавец!

А мерзавцы бывают честные?

Эй, кто там закинул меня сюда? Возвращайте обратно! Мне здесь уже не нравится!

За окном огромные особняки сменились коттеджами попроще, но все еще богатыми.

– Я проклинаяю тебя, Джеймсон Ламли! – Нэнни совсем разошлась. – Пусть на твою голову обрушатся такие же несчастья, на которые ты обрек нас!

– Да, – соглашаюсь.

Интересно, нам ехать далеко? Я о путешествиях в каретах знаю только по фильмам и из истории. Утомительное это де-

ло. Но на ночь должны же остановиться?

– Нэнни, а давай сбежим, когда на ночь остановимся? – предлагаю тихим шепотом.

Хотя карета грохочет по камням. Да и другие участники этого конного движения создают приличный такой шум.

– Да как? – удивляется Нэнни. – Я уже старая. Ноги ходят плохо. А тебя одну как отпустить? Ты красавица такая. Украдут на потеху. Я себе этого не прощу.

– А если карету забрать?

– Не получится, детонька. Догонят. Да и куда ехать? Только в Торнхейм. Там твой дом. Так нас туда и так везут.

Замолкает. Вздыхает.

– Устроимся как-нибудь. Королю будем писать. С таким негодяем от тебя развести обязан.

– Куда прешь? Глаза повылазили? – зычный голосина привлекает мое внимание.

Нас пытается обогнать дорогая карета.

– Чего тащишься? Не видишь, леди спешит? – и добавляет парочку крепких выражений.

– Сам ты... – наш кучер умеет витиевато выражаться.

– Эмилия, уши заткни! – строго произносит Нэнни. – Ох я ему задам! Такие слова говорить при леди! Совсем уже!

Ну, я тоже знаю несколько забористых ругательств. Но Нэнни еще чего доброго в обморок упадет, если услышит из уст кроткой Эмили.

А перепалка все продолжается. Нэнни сама кидается за-

жимать мне уши. Приходится приложить ладони, но неплотно.

– Хамы, – ворчит старушка.

– Убирай свою колымагу! Как на такой еще и въехать сюда посмел! Рвань!

Щелкают вожжи, и шикарная карета нас обгоняет. А мы выкатываемся из города, и лошади прибавляют скорости.

Ой, нет, я так далеко не уеду! Карету трясет и кидает из стороны в сторону. Жесткое сиденье больно поддает под попу.

– Да... ч-чтоб... тебе... ш-шею... свернуть! – ругается Нэнни.

Для начала не свернуть бы шею самим! Я вцепляюсь в сиденье. Прикрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на дыхании. И еще смыкаю зубы, а то клацают от такой тряски.

Сколько же еще ехать? Мне кажется, трясемся уже несколько часов. Выпустите меня отсюда! Я хочу лечь на обочину! Чтобы ничего не тряслось и не дребезжало.

– Самую... негодную... карету... дал... – Нэнни не унимается. – Хлам и старье! Эй!

Она колотит клюкой в переднюю стенку кареты.

– Эй! Сбавь ход! Ты что, убить нас хочешь?

Явно в отместку раздается щелчок и карета ускоряется. Нэнни падает на спину. И ругается не хуже извозчиков.

Я бы поддержала, но все силы уходят на борьбу с тошнотой. И есть у меня подозрение, что этот... как его... Лампи

решил угробить жену по пути в поместье.

Ой, нет, дорогой мой! Вот сейчас у меня образуются не только сотрясения всего организма, но и личные счета к тебе.

Эта пытка длится бесконечно. И даже когда карета останавливается, меня продолжает шатать.

– Ох, мои старые кости, – стонет Нэнни. – Деточка, приехали. Ох-ох-ох. Наконец-то отдохнем и поедим. Эй, дверь открывай! Ты что, не знаешь, как вести себя с леди?

– Сами вылезайте! – грубо звучит в ответ.

– Ах ты мерзавец!

У Нэнни еще хватает сил ругаться, а я вот упала бы на эту жесткую полку и не трогайте меня. У меня болит всё! А при мысли о еде тошнит.

– Вот отхожу тебя тростью, вобью манеры! Идем, детонька.

Я со стоном и скрипом буквально выпадаю из кареты. Путаюсь в подоле и чуть не клюю носом в землю. Ноги словно не мои.

Ха-ха, они на самом деле не мои.

Мы прибыли на какой-то постоялый двор. Полно карет, телег и лошадей. Шум, гам, ржание и все сопутствующие запахи. Природные, так сказать.

Уже глубокие сумерки. Не знаю, сколько мы ехали. У меня все силы ушли на борьбу с вестибулярным аппаратом.

Наш кучер крутится возле лошадей.

– Ты куда нас завез? Да здесь разве есть комната, достойная леди?

– Плевать, – усмехается кучер. – Мне вообще плевать. Я ночью на сеновале. А ты, старая карга, где хочешь. И леди, – о «леди» он произносит, как издевку и ругательство, – пусть тоже где хочет, там и ночует. Утром едем дальше. Граф приказал вас доставить в Торнхейм. А как, не сказал. Так что будешь выступать, старуха, поедешь связанной.

– Никакой он не граф!

Нэнни машет клюкой, но стукнуть кучера так и не решается. А мне бы уже горизонтальное положение принять.

– Деньги давай, – требует она.

– Какие? Нет у меня никаких денег. Иди отсюда, старуха. И леди забери. А не придержишь язык, я все ваши вещички себе заберу. Это тряпье можно продать.

Эта угроза и прохладный вечерний воздух, наполненный стойкими ароматами, приводит мой мозг в рабочее состояние. Да у меня там по сундукам разного припрятано. Не отдам ему мои заначки на черный день!

– Нэнни, переночевать можно и в карете, – тихо говорю.

Громче просто не получается. Спать можно и на этих лавках, подстелить что-нибудь и сойдет. Но организм настойчиво требовал посещения благ цивилизации.

«Блага тут наверняка уровня дачного каркасно-щелевого домика» – мрачно размышляю.

Нэнни, взяв меня под локоть, тянет в местный хотел. Ну

хотя бы из образа не выбиваюсь. Тоже плюс.

– Нам комнату. С одной кроватью. Умыться и чаю. Еда своя, – говорит мужчине за стойкой, кладя монетку.

– Нате, – тот кидает ключ. – Умывальня в конце коридора. Чай принесут.

И всё. Документов никто не спрашивает. Регистрации никакой.

Плетусь за Нэнни. Старушка старается держаться бодрячком, но на свою клюку опирается тяжело. Не представляю, как она выдержала эту поездку. Если мое молодое тело так болит и ноет, то в ее возрасте это раз в сто хуже.

По полутемному коридору доходим до комнаты. Точнее, комнатухи. Стол, стул и кровать.

– Доберемся до поместья, там кровати хорошие, – подбадривает меня Нэнни. – Торнхейм неплохое место. Только холодное. Да с урожаем часто беда. Я так радовалась, когда дорогую Мелиссу твой папенька замуж взял! Не думала я, что вернусь. Подлец! Негодяй! Мошенник!

Это да, но сейчас бы с более насущными проблемами разобраться.

– Нэнни, я хочу... Мне надо... – мнусь, потому что не знаю, как тут настоящие леди отпрашиваются в дамскую комнату.

– Ах, старая моя голова! – хлопает себя по лбу. – Идем.

Умывальня оказалась... Ладно, пойдет. У меня дачная закладка, так что не всё так ужасно. Гораздо страшнее куча юбок.

Ну почему меня не забросило в какой-нибудь технологически развитый мир? Чтобы зубы лечили за минуту и без боли. Передвигались на беспилотных летающих машинах. Летали на другие планеты, как будто это просто соседняя страна.

А не лошади, панталоны, десяток юбок и вместо водопровода – рукомойник.

Еще я опять чуть не поздоровалась с милой юной блондиночкой. А это новая я в зеркале.

Вернувшись в комнату, сажусь на кровать. Есть хочется, но не хочется. Нэнни уходит куда-то, а я прикрываю глаза. Меня все еще качает.

Она возвращается, ворча на горничную. Та и медлительная, и ленивая, и вообще заставила леди ждать.

Моих сил хватает выпить только полкружки чаю. Я заваливаюсь на бок.

И наступает утро.

Я спросонья очень сильно пугаюсь. Обстановка незнакомая. По комнате шаркает какая-то старушка в черном.

– Мамочки! – вскрикиваю.

– Детонька, ты что? Маменька снилась? Переживаешь еще, дитятко.

Блин, так это не сон? Или сон, но очень длинный. Кошмар какой-то!

– Угу, – киваю.

Мозг резко выплыл из сонного тумана и вовремя напом-

нил – мы молчаливая лань. Кроткая и трепетная. Глазки в пол. Хотя бы пока не доедем. А то точно не доедем.

Кучер у нас рослая детина бандитской наружности. Он одной рукой пришибет и меня, и Нэнни. Разом.

– Цветочек ты мой, – Нэнни садится на кровать. Обнимает меня, прижимает к груди. – Красавица нежная, а такая жестокая судьба. Надо как-то твой брак расторгнуть.

Ага, овдоветь.

– А как? – спрашиваю со вздохом.

– Королю прошение напишем.

Но в ее голосе уверенность напускная. Нэнни гладит меня по голове, по спине. Жалеет.

– Давай, милая, умываться и завтракать. Наш надзиратель уже приходил, велел поторапливаться.

Тело моментально напомнило о вчерашней поездке.

– Не хочу-у, – не удержала я стона.

– Надо, детонька. Вставай.

Как я вставала – разговор отдельный. Как будто в одну лопату перекопала всю свою дачу. От мысли о карете моментально накатила тошнота.

Но, к моему удивлению, кучер сегодня не гнал лошадей. Нас вот только загнал в карету чуть ли не пинками. А лошадей, кажется, берег.

У меня даже получалось смотреть в окно. Пейзажи открывались красивые. Никаких проводов на горизонте и мусора по обочинам. Душа радовалась отсутствию пластиковых па-

кетов и разнокалиберных бутылок.

К обеду докатили до следующего постоянного двора. Меньше и скромнее предыдущего. И наш отдых зависит от того, когда отдохнут лошади.

– Завтра к вечеру доедем, – с мрачным видом сообщает кучер, когда останавливаемся на ночь. – Наконец-то я от вас избавлюсь.

– Тьфу, разбойник! – зло произносит Нэнни. – Никакого почтения! Идем, детонька, отдохнем.

Комната практически такая же, как и до этого. Умывальня еще скромнее. А я хочу в душ. И переодеться. И вообще, хочу надеть свой любимый спортивный костюм.

А ехать еще завтра целый день.

Мое, точнее, тело Эмилии протестует против этого болью в каждой мышце и косточке. Я со стоном встаю, хожу, ложусь. Мечтаю о горячей ванне и массаже. Но из доступного – тазик с едва теплой водой.

Этот Лампи, прихватив все денежки, зажал даже несколько монет на оплату приличных комнат. Уверена, еще и приказал специально останавливаться где похуже.

На ужин кое-как запихиваю в себя что-то, не ощущая вкуса. И опять срубаюсь. Я привыкла ездить за рулем на дальние расстояния. Но это совсем другое.

Утром едва не рыдаю, так не хочу садиться в эту проклятую карету!

Сейчас бы мне этот Лами попался под руку, услышал бы

много интересного о себе. И выхватил бы лютиков! Но под-
леца не видно, зато кучер зло зыркает, недовольный задерж-
кой.

– Поедем без остановок, недалеко осталось.

Он даже не собирается помочь нам сесть. А я все никак
не разберусь с кучей юбок, поэтому залезть и вылезти – на-
стоящий квест.

Чем дальше едем, тем суровее становится природа. Этой
ночью было ощутимо холоднее.

– Нордвейн, – вздыхает Нэнни.

– Где? – спрашиваю. Понятия не имею, что это такое.

– Да вон же, столбы проехали, – Нэнни высовывает руку
в окно.

Точно, я заметила на обочине высокий каменный обе-
лиск. Получается, это приграничный столб?

– Хотя тебе откуда знать, – Нэнни выглядывает на улицу. –
Ты здесь никогда не была. А мне в страшном сне не снилось,
что я сюда возвращаюсь.

Глава 4

Смотрю в окно. Пейзажи чем-то напоминают Карелию. Наверное, седыми камнями среди мелкой зелени. Вдалеке виднеются горды.

Вчера вечером я их приняла просто за темный горизонт. Здесь нет никакого освещения в темное время, кроме ламп на постоянных дворах. Ночи черные, луны я не заметила. И тишина. На километры единственный источник шума – это наша карета.

Но красиво. Такая суровая северная красота. Зелень травы и сину камней разбавляют яркие пятна мелких кустиков. Я пытаюсь понять, что это может быть. Похоже на вереск. Еще яркими пятнышками кажутся какие-то желтые цветочки.

– А люди здесь вообще есть?

Я стараюсь, чтобы вопрос звучал не совсем как вопрос. А как впечатление. Я же вроде как должна что-то знать. Чему-то же Эмилию учили?

– Есть. Но мало. Климат здесь отвратительный, – Нэнни кривится. – Тебе, детонька, представить сложно, как это – снег в середине весны. Да и летом не всяким вечером без кофты выйти можно. Озер полно, а вода в них ледяная. Ох, бедные мои старые кости. У батюшки твоего такое роскошное имение на юге, ну почему нас туда не отправили?

Да ясно почему. Муженек сам туда кататься будет. И вот ставлю весь свой опыт – точно не один. Сто процентов изменял, а сейчас вообще во все тяжкие пустится. Думаю, любовница, и не одна, у него есть. И я буду полная дура, если сразу не притащил ее в дом.

Ух, какая меня мгновенно злость берет! Больная тема. Обидно за бедняжку Эмилию, прям хоть назад возвращайся!

– Сам ездить будет, – подтверждает мои мысли Нэнни. – Купаться в море. Оно теплое такое, и соленое. Очень моим ногам полезное. И тебе для поддержания нервного здоровья тоже полезно было б. Гуляли бы с тобой по набережной. В белом. Под кружевными зонтиками.

Красивая картинка рисуется. Я люблю море. И на острова летала. Зимой, когда на даче не сезон.

– Да чтоб он шею свернул, – вздыхает Нэнни. – Прикрой окошко, дует мне холодом.

Нехотя закрываю стекло. Окно здесь закрывается как форточка в старых окнах. И сразу становится пыльно и душно. Лучше вдыхать бодрящий воздух.

– Губитель этот, – это она про кучера, – не захотел грелку взять. – Подлец и мерзавец. Весь в хозяина.

– Нэнни, смотри, озеро блестит, – пытаюсь отвлечь старушку от грустных мыслей.

Я пару раз ездила в Карелию. Ну вот реально такая же красотища. Валуны огромные, покрытые мхами и лишайниками. Озера и ручейки. И сейчас ощущение, что я там.

– Ну, пока молодая, можно и этим наслаждаться, – ворчит Нэнни. – А я не думала, что здесь свою жизнь закончу. Уже почти ведь переехала на юг. Там где-то впереди скоро деревенька покажется.

Нэнни оказалась права. Но сперва на дороге встретили телегу, груженную невероятной высоты стогом сена. А тянул ее лохматый як с рогами буйвола. Поразительного размера и лохматости зверюга степенно топала по каменной дороге. Меланхолично так, как будто дзен познала.

– Посторонись! – закричал наш кучер. – Не видишь, что ли, что карета едет?

– А как он посторонится? – недоумеваю я.

– А наше какое дело? – фыркает Нэнни. – Яроги. Не люблю этих зверюг. Вонючие и вредные.

– А мне кажется, очень милые, – встаю на защиту животного.

Ну правда прелестный бычок. Огромный такой, лохматый. Рога во-от такенные. А что вонючий... Так и мы на третий день пути не розами пахнем.

– Убирай телегу! – кричит кучер.

– По обочине ехай, – басит мужик. – Че командуешь? Мой ярóg твоих кляч одним махом сметет.

Это да. Зверюга мощная. И наш кучер, совершенно не стесняясь в выражениях, всё высказывает мужику. Но на обочину съезжает.

– Ох! Ах! Ой! – Нэнни пытается удержаться на сиденье.

Я раскорячиваюсь, упираюсь в сиденье напротив ногами, чтобы меня не болтало по карете. Нэнни тоже шлет на голову мужика проклятья.

– Совсем уже разболтались! Да разве так можно? Не приветствовал почтительно леди!

Могу себе представить, в каких выражениях он бы меня поприветствовал. Но я бы тоже ту ледю, заставившую съехать на обочину на настолько груженной телеге, приветствовала бы в выражениях и похлеще. Да если эта копна развалится, ее обратно грузить три дня придется. В общем, я на стороне мужика.

Объехав телегу, мы покатали дальше. Я снова прилипла к окну. Сделав малюсенькую щелочку, высунула нос. Ух, как хорошо дышать свежим воздухом.

Проехали еще немного, когда запахло прям арбузной свежестью, а потом чем-то теплым и пряным. Арбузом пахнет, когда дачники начинают газоны косить. Обожаю! Идешь и наслаждаешься.

А тут мы ехали мимо покоса. Странные механические штуки срезали траву и складывали на бок. В эти косилки впряжены были лошади. Так вот откуда мужик вез сено! Уже прилично так выкосили.

Я смотрела на крестьян, или как они здесь называются, с любопытством. Они нас тоже разглядывали.

Дальше пошли небольшие квадратные поля. Там уже что-то всходило.

– А зачем эти каменные изгороди? Это так участки огородили?

– Чтобы снег ветром не сносило, – проворчала Нэнни. – Тут бывает как дунет, так и дом чуть не носит.

Ага, ясно, снегозадержатели это. Ну да, край суровый. Люди приспособились.

– Ничего приличного здесь не растет, – продолжила недовольная Нэнни. – Вот на юге всякие овощи да фрукты. Персики такие, ну чисто мед! А здесь? Тьфу! Что ни ягода, то кислющая! Чтобы хоть что-то путевое выросло, столько магии надо! Просто пропасть. А она дорогушая ужасно!

Так! Па-агадити! Магия, значит, есть. И я только на третий день об этом узнаю!

– Так много надо? – прижав пальцы к щекам, широко распахивая глаза.

Пришлось хорошенько порыться в памяти, выискивая образец для подражания.

– Но мы же богаты, – искренне удивляюсь, – почему не дали денег?

А, кстати, почему? Если у графа денег настолько много?

– Так почему не дали? Сколько-то твой папенька отправлял ежегодно. Да это имение мелкое и завалящее. Продать его надо давно было.

– А если муж, – зараза, не знаю, как этого проходимца называть, – решит его продать?

Вот тут я серьезно пугаюсь. Куда потом идти? Я же ничего

в этом мире не знаю и не умею!

— Да не может, — успокаивает меня Нэнни. — А то бы и его отобрал. Оно тебя напрямую от матушки перешло. Может и зря так оберегали тебя? — размышляет.

Совершенно зря! Может, Эмилия и отличная девушка, но вы вырастили из нее какую-то неженку неприспособленную!

— Ой, деревня! — восторженно радуюсь, чтобы не начать отчитывать.

На горизонте едва показались черепичные крыши, но я очень рада, что среди бескрайних просторов хоть кто-то живет.

— Инвери, — выплевывает название Нэнни. — Потом поедем еще Бреймор, и там недалеко до имения.

О, это просто отлично! Я уже не могу ехать в этой карете. Все ноет и болит, в голове нескончаемый грохот. То еще удовольствие! Я большую часть пути просто не помню.

Смотрю во все глаза. Дорога как раз делала поворот, и потихоньку открывалась деревенька. Домов немного, но все каменные. Телеги появились. Всадники.

Так и хотелось закричать: «Ура, люди!».

Карета поехала еще медленнее, и я могу рассмотреть людей и дома хорошенько.

Не знаю, что Нэнни здесь настолько уж не нравится, но первое впечатление не такое уж страшное. Аккуратные дома: одни больше, другие меньше. Палисаднички, обнесенные каменными оградами. У некоторых по верху еще дерево

резное украшает.

Дети играют. Женщины разговаривают. Дорога не раздолбанная. Да и жители не выглядят оборванцами изможденными. Обыкновенные люди. Ну да, одежда не такая роскошная, как сложена в сундуках у нас. Но, если честно, я бы лучше оделась как они.

– Штаны на девушке, – осуждающе выговаривает Нэнни.

Эх, мои бы джинсы сюда любимые – плотные, удобные. И сапоги резиновые, с начесом. И жилетку. И парку. И...

Стоп, Аня, хватит. Размечталась, ага.

Жители неприкрыто разглядывают карету. Показывают пальцем. Ребятня подбегает и пытается заглянуть в окна. Я им улыбаюсь, а Нэнни грозит кулаком.

– Никакого воспитания! Хулиганы малолетние! Вот ты совсем не так у меня росла. С самого детства была воспитанной. Я смогла вырастить из тебя истинную леди. Как и из Мелиссы. Мечтала, что и деток твоих успею понянчить. А ты за два года так и не забеременела.

Прикусываю язык и молчу. А меня прям разрывает, как хочется высказаться. Но со своим уставом... Короче, если я здесь застряла, и это каким-то образом теперь моя новая жизнь, то мои дети будут вот так на улице гонять.

Карета проезжает через деревеньку. А я успеваю забыть название. Но надо будет заучить. Нечего топографическим кретинизмом страдать.

– Часа три до Бреймора, – вздыхает Нэнни.

Я всё это время смотрю в окно. Между двумя деревнями вся земля чем-то засажена. Вдалеке вижу пасущийся скот. Сельская жизнь катится своим чередом.

– Нэнни, я бы поела уже. И, ну... – намекаю, что организму надо.

Она сразу стучит клюкой.

– Эй, останови!

– Чего тебе? – невежливо рявкает кучер.

– Надо нам.

– Терпите. Скоро приедем. Там и сходите в дамскую комнату, – издевательски ржет кучер.

Ах ты гад! Я тебе припомню все издевательства!

И сколько Нэнни ни колотит клюкой, карета не останавливается. Нет, ну не сволочь ли?

Бреймор оказывается размером еще меньше предыдущей деревеньки. Но такой же аккуратный. Чистенько, но бедненько. Нас долго провожают взглядами, а потом я замечаю, как через поля куда-то уносятся мальчишки.

И пока мы в карете еще час болтались по ухабистой дороге, мальчишки уже домчались до деревни. Дорога петляла и виляла, состояние – ужасное. И лошади шли очень медленно. Бегом напрямки точно быстрее.

– Граница Торнхейма, – Нэнни показывает на местные указательные знаки. – Как вон ту рощу пообедем, дом видно станет.

Но я бы прям на ходу выскочила, и умчалась в рощу.

Ужасно! Да еще и вредно для организма.

– Почти приехали. Вот и дом.

Ой, быстрее бы уже! Но лошади плетутся. Устали, бедненькие. И дом приближается медленно. С первого взгляда он произвел гнетущее впечатление. Со второго впечатление ухудшилось.

Деревни выглядели бедными, но чистыми, ухоженными, а усадьба... Нищета и разруха.

– Ах ты ж! – Нэнни прикладывает ладонь к груди. – Со всем не смотрят за домом! Лентяи! Бездельники!

Под ее возмущение докатываемся до крыльца. Карета останавливается. Конец путешествия.

Не дожидаясь никого, я первой выпадаю из кареты. Возле крыльца нас встречают две женщины и древний дед. Ну и четверо мальчишек, опередивших нас

– Миледи? – женщины делают неуклюжие реверансы. – Вы приехали?

– Да приехала она, клуши, – рывкает кучер. – Снимайте сундуки, да я обратно. Всё, довез, дальше не мои проблемы.

– А кто снимать будет? Мужчин нет в имении. Только вот, – одна из женщин указывает на деда.

– Нэнни, тебя, что ли, принесло? – дед подслеповато шурится. – А это ж не Мелисса?

– Дурак ты старый! Это Эмилия, дочь ее и графа!

– Снимайте сундуки! Мне карету забрать надо! Моя теперь, – кучер нахально улыбается.

– Ну это мы еще посмотрим, – я пытаюсь засучить рукава. Не вышло, да и ладно. Идея пришла мгновенно.

– Это же имущество моих родителей, так? А значит, и мое. Нэнни, ну-ка, дай-ка мне твою трость.

– Эй, ледь, ты че удумала? – настораживается кучер.

Да так! Просто очень нужны лошади в хозяйстве. И я забираю из рук Нэнни клюку. Хорошая штука, увесистая.

Ну что ж, пора брать всё в свои руки!

Глава 5

– Эй, пацаны, помогайте! Потом разрешу покататься на лошадках! – кричу я, нанося первый удар.

– Эмилия! – вскрикивает Нэнни.

– Ты чокнулась? – вопит кучер.

– Мне. Нужны. Лошади. Это. Мои. Лошади! И карета! – я стараюсь каждое слово сопровождать ударом. – Это. Мое. Имущество!

Я успеваю хорошенько приложить его раза три. Клюка увесистая, а я не стесняюсь. Кучер подставляет руку, чтобы защититься. Но я бью по колену.

И пусть сейчас хоть кто-то сунется мне под руку! Я терпела издевательства три дня! Я в туалет хочу. Я хочу помыться. И поспать я хочу нормально. Меня тошнит от кареты. Я чешусь от пыли.

– Мне граф всё отдал! – кричит кучер.

Он быстро приходит в себя, начинает защищаться. Пытается отобрать клюку. Ох, ну как же мало сил в этом теле! Я зимой, пока на даче работы мало, хожу в зал. Может, я не самая стройная на свете, но крепкая. А сейчас чуть помахала рукой, и уже устала.

И юбки! Куча юбок на дает быстро двигаться. Нэнни может хоть сто раз упасть в обморок, но я переоденусь в штаны.

– Отдай, полоумная!

Кучер, получив еще один удар по руке, всё-таки хватается за клюку. Дергает на себя. Вот зараза, какой сильный! Мне с ним не справиться.

Но тут присоединяются мальчишки. Они мелкие, но шустрые. И их много. Наваливаемся кучей.

– Ай-ай-ай! Хватит кусаться! – вопит кучер.

И отпускает клюку. Я от неожиданности чуть не падаю на попу, но на ногах всё же удерживаюсь.

– Мои лошади! Мои! И дом мой! Всё мое! Так и передай муженьку моему!

– Да! – в два голоса поддерживают незнакомые женщины, присоединяясь к нам.

Против толпы кучер выстоять не может.

– Я вам еще припомню! – грозит он.

Отбивается страшно. Отшвыривает от себя двух мальчишек и дает дёру. Вслед ему летят камни.

– Не дадим в обиду нашу леди!

Мальчишки, кажется, почувствовали себя защитниками. Рванули за кучером, закидывая его камнями.

Отвратительный поступок, но мне не стыдно. И ругать мальцов не буду. Молодцы! Красавчики просто!

– Убирайся! Убирайся! – звонкие голоса доносятся уже издалека.

– Почему не возвращаются?

Я волнуюсь. Кучкой мы справились, а там еще отлупит мальчишек.

– Куда же они бегут? Хватит уже! Ой, как бы не побил!

– Да не, – скрипит дедок. – Щас своих свистнуть, мало проходимцу не покажется. Не волнуйся, детонька. А ты точно не Мелисса?

– Тьфу, старый пень, – в сердцах высказывается Нэнни. – Погибла наша дорогая Мелисса вместе с мужем. Вы что, не знаете? Мост обрушился. Не спасли бедняжечку.

– Жаль-жаль, – вздыхает дедок.

А у меня сразу появляются мысли, не приложил ли руку к этому ДТП мой муженек.

– Мне нужно в дамскую комнату!

Терпеть сил уже никаких нет. А бежать в кусты... Ну это будет совсем уж эксцентрично. Отдаю Нэнни клюку.

– Сюда, миледи, – одна из женщин быстрым шагом идет к дому.

Подхватив юбки, обгоняю ее. Чертов кучер! Чтоб ему пусто было! Чтоб ему приспичило в людном месте. Женщина тоже ускоряется.

Не знаю, что обо мне будут думать. Потом с этим разберусь. Домчавшись до санузла, теперь уже матерю юбки. Штаны! Только штаны, пока не освоюсь.

– Как мало иногда надо для счастья, – бормочу, выходя из дамской комнаты.

Всё-таки приличный санузел сильно облегчает существование.

– Давайте знакомиться, – доброжелательно произношу,

вырулив в холл.

Окидываю взглядом немногочисленных встречающих.

– Понимаю, мы свалились как снег на голову. Но так сложились обстоятельства.

– Хех, а ведь ты утверждала, что ни за что сюдыть не вернешься.

Дедок откровенно насмехался над Нэнни, красной как рак. Уж не крутили ли они любовь лет двадцать-тридцать назад?

– А уж была уверена, что ты помер, старый пень.

Нэнни в долгу не осталась. Но дедок только усмехнулся в седые усы. Бросив на него злой взгляд, Нэнни подходит ко мне и берет за руку.

– Эмилия, детонька, в имении почти не осталось слуг. Всё плохо. Остались только Мэнди – старшая горничная, да Корин – экономка, стряпуха и горничная. Да вот старый дурак Томас. Был раньше кучером, а сейчас пень пнем.

– А ты как в молодости была зазнайка, так только характер поганей стал. Скоро в гроб ложиться, а ты всё строишь из себя невесту что!

– Приятно познакомиться.

Я улыбаюсь женщинам и дедуле.

Похоже, в имении все очень и очень плохо. А жить придется здесь. Если меня не вернут домой, в родное тело.

– В какой комнате мне можно поселиться? – спрашиваю вежливо. – Еще я бы помылась и переоделась. Три дня в до-

роге, сами понимаете.

— К сожалению, комнаты не удалось сохранить в прежнем виде, — виновато произносит Корин.

— Так чем вы здесь занимались?!

— Нэнни! — рявкаю на нянюшку. Ну что за неугомонная старушка! — Я займу самую сохранившуюся, — говорю примирительно. — Но помыться надо. И выпить чаю. Мы завтракали очень рано. Я немного отдохну, а потом вас выслушаю.

— Вот это деловой разговор, — одобрительно кивает дедок.

— Нет! — Нэнни и тут против. — Юная леди не должна такими вещами заниматься.

— Да ты Мелиссу испортила, теперь и эту в неженку превратила!

Похоже, тут только этот Томас не боялся говорить Нэнни правду в глаза.

— Я пойду лошадьми займусь. Только, простите уж, сундуки ваши таскать не буду.

— А что, мне их таскать? — возмущается Нэнни.

— Потом с сундуками разберемся. Мне нужно только свежее платье, — говорю я.

— Мэнди, поможешь мне достать из сундука второе траурное платье, — командует Нэнни.

— Закончили с трауром, — четко и нажимом произношу. — Мне нужно просто свежее и подходящее платье. Корин, проводите меня в комнату. Есть же хоть одна, хоть немного пригодная для житья?

– Комната вашей бабушки. Или вашей мамы. Но там требуется уборка.

– Давайте комнату мамы, – решаю я.

– Прошу за мной, – Корин разворачивается, но ее перебивает Нэнни:

– Я сама знаю, куда идти. А ты займись горячей водой. Леди нужно принять ванну!

– На целую ванну воды нет.

– Хватит и пары ведер. Но горячей, – вношу я поправку.

– Идем, детонька, – Нэнни берет меня за руку. – Я сама тебя отведу.

И тон у нянюшки такой недовольный, что я понимаю – будет взбучка.

Нэнни тащит меня к красивой мраморной лестнице. Не дает хоть немного оглядеться. Потом тянет по коридору к одной из дверей. Толкает ее и втаскивает меня внутрь. Старушка хоть с виду и слабенькая, но хватка у нее приличная.

Выпустив мою руку, закрывает дверь и загораживает собой.

– Эмилия, я крайне огорчена твоим поведением.

О, ну я так и знала: сейчас будет отчитывать. Только я скромницу больше изображать не буду. Сидеть в обшарпанном кресле, кутаясь в старую шаль, и сетовать на судьбу-злодейку – не в моем характере. Может, меня сюда закинуло, чтобы я порядок навела. А как пройду этот квест, так выкинет обратно.

Но если придется остаться, то тем более я не собираюсь сидеть сложа руки! Я привыкла жить в комфорте и вкусно кушать.

– Такой позор! Юная леди, а полезла в драку. Эмилия, я тебя не так воспитывала! Не думала, что, дожив до седин, такое увижу! Такой позор! Такой стыд! И со прислугой кто так разговаривает?

– То есть надо было отдать лошадей и карету?

Интересно, что Нэнни на это ответит.

– Нет, но... – мнется. – Леди так себя вести категорически запрещено.

Короче, походу бедным леди просто запрещено нормально жить.

– Ну ой, – развожу руками. – У меня и так всё отобрали. Кроме разваленного поместья. Что, теперь сесть и плакать? Так от этого портится цвет лица.

Нэнни, поджав губы, молчит. Моими словами она страшно недовольна.

– Я не позволю тебе снять траур еще месяц. Это неприлично.

– Траур закончился два дня назад, – напоминаю ей.

– Но это не значит, что нужно начинать веселиться! В знак глубокого уважения к родителям ты должна еще хотя бы месяц побыть в трауре. Эмилия, я тебя просто не узнаю! Где моя красивая кроткая девочка?

Вот и мне интересно – где? Не на моем ли месте?

– Осталась в прежней жизни. Нэнни, я взрослая женщина.

Замужняя. Да, муж козел...

Старушка ахает от шока.

– ... и всё отобрал, так что хватит мотать сопли на кулак.

Надо как-то жить.

Нэнни смотрит на меня подозрительно. Прищуривается.

– Эмилия, леди так себя вести нельзя! Что о тебе будут думать? Мальчишки уже растрепали всем, как ты дралась с кучером! Только приехали, а уже дали повод для таких слухов.

Ха, то ли еще будет! Завязали рыдать.

Скорей бы уже мыться позвали. Я прям не могу, как хочется смыть пылюку и переодеться.

– Так вот где жила мама.

Я бессовестно перевожу тему. Нэнни до умопомрачения любила Мелиссу, поэтому ведется.

– Да, целых двадцать три года. Уже думали, что приличная партия не найдется. Она такая красавица была. Краше всех в этих землях! Да приданого небогато. Зато воспитание блестящее. Твой дед не зря меня в гувернантки выбрал. Платил щедро. Уж я Мелиссу выучила всем манерам как следует. Вот твой папенька и выбрал ее. Ну и пусть на двадцать с лишком лет старше был. Зато как увидел, так сразу и влюбился. Мы все рыдали от счастья. Пусть всего лишь граф, зато с древней родословной и богатый, ну просто как дракон.

А теперь все богатства у муженька Эмилии. Просчита-

лись, но где?

Оглядываю комнату. Кругом снова миленькие цветочки на всём, чем можно. И кругом кружева и рюшечки.

– Как мило, – притворно восторгаюсь.

Кровать высокая, но не очень широкая. Балдахин уложен красивыми складками. На цветочном покрывале куча обшитых кружевом подушечек. Но кружево успело пожелтеть от времени. На столике виден небольшой слой пыли. Не совсем запустение, но какая-то запущенность.

В комнате не пахнет затхлостью. Наверняка проветривают. Замечаю пучки сухих трав. Значит, пытаются отпугнуть моль, если она здесь водится, и как-то ароматизировать комнату.

– Мне вот интересно, а куда управляющий смотрит? – ворчит Нэнни. – И где нормальная экономка. Как посмели до такого довести имение?

Отличный вопрос. Если я правильно понимаю, граф с графиней погибли не так давно. А тут явно несколько лет всё катится коту под хвост. Ну двор и за пару месяцев зарости может. Сорняки растут стремительно. Их никакой катаклизм не останавливает.

Но вот всё остальное...

– Бездельники! Совсем тут распустились без хозяйской руки!

Ох, сдаётся мне, распустились не слуги, а тот самый управляющий. Кстати, где он?

– Да где ходит эта Корин? – продолжает возмущаться Нэнни. – Не умеют леди обслуживать. Совсем не умеют! Вот я им задам! Быстро выучу, как правильно всё делать! Будут бегать у меня по дому!

Я не перебиваю, пусть возмущается. Может, и правильно. Не знаю. Но вот третировать слуг не позволю. Для начала просто присмотрюсь. Понятия не имею, как в этом мире командуют слугами. В моем отделе была дисциплина. Но я старалась не жестить.

Нэнни медленно обходит комнату, проверяя всё.

– Матрасы не выбиты! – ругается, похлопав по кровати и подняв облачко пыли. – Ковры не чищены. Полы не мыты.

Открывает одну из дверей.

– Ужас, полки испорчены!

И откуда-то из глубины кричит:

– А в купальне нет воды! Довели! Довели такой дом до разрухи!

Пока Нэнни сует нос во все углы, я в окно смотрю, как женщины и дедуля пытаются разгрузить карету. Хорошо, нянюшка не видит, что сундуки практически скинули. Надеюсь, припрятанное там не побилось.

Проходит минут двадцать, прежде чем в комнату входит Корин. Без стука. Чем неимоверно возмущает Нэнни.

– Я чай пока принесла. А вода еще греется. Пока плиту растопила, пока с колодца воды притащила.

– Какого колодца?! Здесь водопровод и водогрей!

Да нет тут уже ничего.

– Благодарю, – улыбаюсь Корин.

– Ты что принесла для леди? – Нэнни тут как тут.

– Что было, – пожимает плечами Корин.

– Леди такое и в таких количествах не едят!

Да нормальная еда! Это мне в дороге есть не очень хотелось. А сейчас я готова съесть весь вот этот кусок местной ветчины.

– Леди выпьет чашечку чая и съест маленький бутерброд. Или булочку.

Нет, тут я вообще и категорически против. Сажусь на стул. Тянусь за приличным куском мяса.

– Что-то какая-то голодная диета. Придется сесть на две. На одной я не наемся.

Нэнни в шоке. А Корин пытается спрятать улыбку. Кажется, мы с ней подружимся.

Глава 6

Я без стеснения накладываю в тарелочку нехитрый перекус. Без изысков, нормальная еда и в радующем меня количестве.

– Мисс... Миссис... Миледи... – Корин под строгим взглядом Нэнни сбилась, как ко мне обращаться.

– Ваша Светлость, – ледяным, не терпящим возражений тоном поправила ее нянюшка.

– Миссис Эмилия, – выбираю я. – Обстановка для Светлости неподходящая, а фамилию мужа я и слышать не хочу.

А еще я ее забыла. Лампи, Лампли, Ламили? Да и есть шанс, что просто не пойму, что ко мне обращаются. За три дня я немного свыклась, что теперь Эмилия – это тоже я.

– Миссис Эмилия, мы сундуки поднять не сможем. Тяжелые.

– Так сходи в деревню. Или бездельников мелких пошли, пусть приведут парочку крепких мужиков. Или нам с Ее Светлостью самим сундуки тащить?

Нэнни пытается восстановить старые порядки. Ее понять можно. Но я решаю по-другому:

– Ничего. Перенесем частями. Нэнни, принеси мне платье. Не траурное. Потом вещи перенесем. Да и лучше это сделать после уборки комнаты.

– Как прикажете, миссис Эмилия.

Корин, сделав едва заметно книксен, спешит покинуть комнату.

– Потом поговорим, – бросает мне недовольная Нэнни, тоже уходя.

Без ее надзора я ем, как привыкла. Никто не следит буквально за каждой крошкой, попадающей мне в рот. Так что секрет стройности во всех мирах одинаков – меньше жрать надо. Эх, не произошло чуда.

Только вот Эмилия стройная до прозрачности. И физических сил очень мало. Немного подвигалась, а уже устала. Сдать на гемоглобин, ферритин и прочее железо, но очень сомневаюсь, что здесь о таком знают.

Придется действовать интуитивно: хорошее питание и спорт. Изящные тонкие руки-веточки выглядят утонченно, только вот пока корзинку дотащила, трястись начали.

Может, придется сесть сразу на три диеты?

Нэнни нет минут пятнадцать, я успеваю нормально поесть. Она возвращается с ворохом вещей в руках. И таким лицом, как будто я средний палец королю показала прямо на дипломатическом приеме.

Скинув вещи на кровать, сжимает в руке статуэтку и идет ко мне, угрожающе ею помахивая.

– Эмилия, откуда это взялось в сундуке? Я это не укладывала!

– Какая красивая статуэтка. А что не так?

– Ты украла ее! – возмущению Нэнни нет предела. – Эту

статуэтку твои родители привезли из свадебного путешествия в Дамассию. Она очень дорогая! И стояла в утренней гостинной.

– Очень дорогая? – цепляюсь за самое важное.

– В сундуках полно вещей. Эмилия! Ты – воровка!

Бедная настоящая Эмилия! Нянюшка бы уже довела ее до слез. Может, такое поведение Нэнни в этом мире и норма. Но я не отсюда, да и из нежного возраста давно вышла.

– Если это вещи моих родителей, и взяла я их из своего дома, это разве украла? Они и так принадлежат мне.

– Они принадлежат семье Арундел. Ты не должна была выносить их из дома.

Это она еще не знает, что я всё собираюсь продать.

– Вода нагрелась.

В комнату входит Корин, неся два ведра. Следом Мэнди. Они прихватили таз, полотенца и мыло.

– Прекрасно!

Я иду за ними в купальню. Помещение стандартное, вот как наши ваннные комнаты. Но нужен ремонт. А для начала бы наладить водопровод.

Наконец-то снимаю с себя грязную одежду. Нэнни принесла темно-коричневое платье, ну хоть не черное.

Мытье в тазу меня совершенно не смущает. Кто из нас хоть раз не сталкивался с отключением горячей воды на две недельки, а на самом деле – на всё лето? Беготня с кастрюлей из кухни в ванную и поливание из ковшичка всем знакомо.

Но вот вымыть длинные золотые волосы – реально проблема. Только на них уходит целое ведро воды.

– Там еще два греются, – радуется меня Корин.

– Оставьте для Нэнни. Мне этого хватит.

Нянюшке тоже надо и помыться, и поесть. И хорошо бы сесть в кресло отдыхать. Чтобы не мешала. Но неугомонная старушка, кряхтя и возмущаясь, категорически отказывается оставлять меня одну.

Вымывшись и переодевшись, понимаю, что жить стало веселее. Женщины начинают уборку моей комнаты, а я с трудом уговариваю Нэнни заняться собой, и не мешать им.

– Да вы что?! Всё руками делать будете?!

– Амулеты почти разрядились, – объясняет Корин. – А на новые денег нет. Я принесла, что осталось.

Она из кармана вытряхивает на столик какие-то камешки. Первый раз вижу магические амулеты.

Корин перебирает их, внимательно рассматривая.

– Тут немного осталось. Хоть бы хватило на матрас. Тяжело его тащить на улицу выбивать. Тут, может, на шторы. Или балдахин. Остальные пустые.

– Кровать и шторы. Мне нужно чистое постельное. Балдахин снять. И можно даже не вешать обратно. Все мелкие подушечки, салфетки и прочее вынести. Потом как-нибудь постираем.

– Да как без балдахина! И без подушек?!

Я уже чуть зубами не скриплю. Неужели спать под пыль-

ной тряпкой лучше? Кому нужны эти приличия в ущерб не только комфорту, но и здравому смыслу? Да и кто видит меня в собственной спальне?

– Не хуже, чем в комнате постоянного двора, – обрубая я.

По глазам Нэнни виду: ждет меня очередная порция нотаций. И правда, только Корин с Мэнди вышли, унося горю пыльных тряпок, как нянюшка закрыла за ними дверь и встала к ней спиной. Став похожей на черного ворона.

– Эмилия, ты отвратительно себя ведешь! Совершенно неподобающе аристократке твоего положения и происхождения. Так ведут себя только простолюдинки! Или ты думаешь, раз переехала сюда, далеко от приличного общества, то может позабыть манеры? Так вот, я этого не допущу!

Смотрю на недовольную старушку, и кажется мне, кто-то тут превышает свои должностные полномочия.

Нэнни уже не кажется доброй нянюшкой, переживающей за свою подопечную. Взрослую и замужнюю. Пытается разговаривать с ней, как с пятилетней. Да даже с детьми так разговаривать нельзя.

– Что с тобой случилось? Эмилия, ты дочь графа и сама графиня. Веди себя соответствующе! Ты не должна так разговаривать со слугами! Они не будут тебя уважать. Посчитают себя ровней. Ты их уже распустила! Я попыталась их отчитать, но меня и слушать не стали! Ты еще слишком молода и неопытна, поэтому слугами командовать буду я. Сейчас уберут комнату, и сядишь за вышивание. За подобающее для

знатной леди занятие. И ве́ди себя скромнее, соблюдай траур. Как приехали, так тебя словно подменили!

Ну, подменили меня раньше. И я от этого вообще не в восторге.

Нэнни открывает рот, собирается еще что-то сказать, но ей поддают дверь. Вернулись Корин и Мэнди.

– Стучать надо! – кричит на них Нэнни. – И без разрешения входить запрещено!

– Простите, – но в голосах женщин нет раскаяния.

– Принимайтесь за уборку. Шевелитесь!

Нэнни усаживается в кресло. Наливает себе чай. И зорко следит, как Корин и Мэнди протирают пыль и моют полы.

А мне интересно, как работают магические амулеты для уборки. У меня полно техники, и это тоже почти магия: нажал на кнопку на смартфоне, и оно работает.

Ой, как мне не хватает смартфона и Интернета. Сейчас бы поискала инфу. И кофемашины любимой. Да много чего! Вот и молчала всю дорогу, пытаюсь привыкнуть и немного адаптироваться.

Корин, сняв с кровати покрывало, положила в центр амулет. Что-то шепнула, я не успела понять, и щелкнула по камешку. Тот засиял тусклым сиреневым цветом.

– Почти разрядился, – вздохнула Корин.

Свет от камешка разошелся во все стороны и как будто впитался в матрас и оставленные две подушки. А больше ничего не происходило. Это всё? Как-то неожиданно скром-

но. Но Корин камешек не убирала, и через несколько секунд матрас завибрировал. Из него вверх стали подниматься облачка пыли. Они закручивались, собираясь в комочки, которые Корин ловко сметала в совочек.

Интересно так! Пыль не разлеталась, ее словно что-то удерживало. А вся чистка матраса заняла минут пять. Когда пыли в матрасе больше не осталось, камешек свернул еще раз, испустив совсем бледный, едва заметный свет. И погас. Зато запахло лавандой.

– И амулет надо новый, – Корин поднесла камешек к глазам. – Этот уже зарядить не получится.

– Лаванда, – проворчала Нэнни. – Почему ее здесь так любят? Неужели нельзя было взять с запахом роз?

– Дорого, – Корин выкинула амулет в совочек.

Чистка штор прошла точно так же. Остатков заряда едва хватило на портьеры. Тюль придется стирать руками. Остальные амулеты оказались неспособны почистить даже малюсенькую подушечку. Едва начав светиться, каждый из них тут же гас.

Я не могла спокойно смотреть, как убирают комнату. Хотелось помочь. Но тогда бы окончательно уверила Нэнни, что сошла с ума. Вряд ли Эмилия хоть раз в жизни вытирала пыль.

В распахнутое окно влетал свежий воздух. Такой вкусный, хоть ложкой ешь. Без привычного городского смога и незабываемого амбре постоянных дворов.

Перед крыльцом стояли сундуки, а кареты и лошадей я не увидела. Надеюсь, в сундуки никто не залезет. А где корзины? В дом занесли?

– Лошадей отвели на конюшню? – интересуюсь.

Бедные животные три дня тащили карету, им нужно отдохнуть.

– Да, старик Томас всё сделал, – отозвалась Мэнди. – Лошадки неплохие, а карета дрянь. Того и гляди, развалится. Как вы на ней вообще доехали?

Вот и я удивлена, что доехали.

– Так, чего прибить надоть? – в комнату вваливается Томас с ящиком инструментов в руках.

Сшибает ведро с грязной водой, из которого мыли пол.

– Пень трухлявый! – Нэнни шустро поднимает ноги и подол. – Смотри, куда прешь!

– Дык смотрю, – улыбается Томас. – Тока вижу я уже не очень. Старый пень, – смеется.

– Ну и зачем тогда приперся?

– А полки чинить ты будешь? Молоток держать умеешь?

Ох, дедуля мне очень нравится! Спуска Нэнни не дает.

– Ты в своем уме?! – злится она.

Прикусываю язык, чтобы не предложить свою помощь. Я молоток держать умею. И пилу. Когда есть дача, много чему быстро учишься.

– Ну вот и помалкивай, – Томас шаркает в гардеробную. Корин быстро собирает тряпкой воду, и сразу уносит вы-

лить.

– Эй, есть кто полочку подержит? – доносится из гардеробной.

– Иду!

Ну не могу стоять без дела! Мэнди и Корин заняты, от Нэнни помощи ждать не приходится. Остаюсь я.

– Эмилия, ты не должна...

– А кто, кроме меня? – бросаю, и скрываюсь в гардеробной.

– Молодая была вредная, а сейчас совсем, – ворчит Томас.
– Так, детонька, держи вот так. Да пальчики свои красивые береги. Мастера бы надоть, да где ж его сейчас взять?

– Нормально, – успокаиваю. – Потом найдем мастера, сейчас бы вещи разобрать, пока ночь не настала.

– Это да, – соглашается Томас. – Ты, детонька, старуху сильно не слушай. Чужая она как была, так и осталась. Люди у нас хорошие, сердечные. Как ты к ним, так и они к тебе. Ты вроде девушка хорошая, вот и не портись.

– Я запомню, – благодарно улыбаюсь дедуле.

А в уме ставлю отметку, что его надо поподробнее расспросить.

Починив полки как получилось, Томас уходит. Уборка тоже почти закончена.

– Теперь идите за вещами, – приказывает Нэнни.

– Нет, – твердо говорю. – Вещи я сама перенесу, а вы займитесь ужином. Я поужинаю здесь, столовая наверняка в пы-

ли. А потом мы поговорим.

– Эмилия! – Нэнни снова против. – Никогда я не порола ни Мелиссу, ни тебя. Но видать пора доставать розги. Хватит позориться! Вещи должны разбирать горничные!

– Которых здесь нет! – рявкаю я, уходя из комнаты.
Розги? Да ага, прям так я и дамся!

Глава 7

Розги! А еще что? Выпороть вожжами на конюшне? Ну и методы!

Выскочив в коридор, оглядываюсь.

– Кажется, туда!

Иду к лестнице, наверное. Ну хоть тут моя растерянность никому странной не покажется. Я здесь в первый раз.

День катится к вечеру, в доме становится сумрачно. Но свет никто не зажигает.

Так, с направлением я угадала. Белая лестница сверху кажется плавной рекой. В холле висит огромная красивая люстра, но разглядеть ее сейчас я не могу. Спускаюсь.

– Да чтоб тебя, – передергиваю плечами.

Сейчас корсет меня бесит просто на каком-то ментальном уровне. Неудобная штука, да и дышать в нем при быстрой ходьбе сложно. Я не замечала, как Нэнни его туго затягивает, а вот сейчас нормально поела и ка-ак поняла!

Прохожу через холл к входным дверям. Открываю створку. Мэнди с задумчивым видом стоит у сундуков.

– Мэнди, подойди, – зову ее, помявшись с минуту.

– Да, миссис Эмилия?

– Развяжи этот проклятый корсет. Я даже вдохнуть нормально не могу.

– Но... – смотрит на меня с недоумением.

– Развязывай, – приказываю.

– Прямо здесь?!

Горничная в шоке от моего предложения. Ну да, не объяснять же про бикини и пляж.

– В дом зайдем.

Бедная Мэнди бледнеет, но заходит в дом. Я быстро расстегиваю пуговицы спереди на платье и скидываю лиф. А горничная дрожащими руками расшнуровывает корсет. Стоит завязкам распуститься немного, как я делаю глубокий вдох.

Ох, как же это прекрасно!

– Портниха в деревне есть? – спрашиваю, надевая и застегивая лиф. – Моя одежда не очень подходит для этих мест.

– Есть. Но только изысканных платьев не шьет. Простые и удобные.

– Подходит, – заверяю ее. – Идем перетаскивать вещи?

– Вы сами это будете делать?

Так, я снова шокировала горничную. Ну что ж, пусть при-
выкают! Сидеть и горевать я не собираюсь.

– Старуха... – Мэнди сбивается, лепечет: – Простите. Нэнни будет недовольна.

Мы выходим на крыльцо. Уже темнеет, солнце низко висит над горизонтом. Такое сочное, как бывает только на закате.

– Мэнди, вот давай только честно, хорошо? – говорю, смотря на горизонт. – Поместье в полной ж... упадке. Вас

двоих и Томаса явно недостаточно. Управляющего вообще нет. Кстати, где он?

– Думаю, уже не появится, – тихо шепчет Мэнди.

Ну, в принципе, я так и подумала.

– Жить мне больше негде. Да и не на что. А ведь нужно одеваться, кушать, топить хоть парочку комнат. Так что мне-нием Нэнни по некоторым вопросам интересоваться не будем. Давай переносить вещи, а то скоро совсем темно станет. Люстры же не светят?

– Нет, миледи, – еще тише и виновато отвечает Мэнди. – Нужно менять артефакты. У нас только обычные свечи. Да и то немного.

– Завтра об этом подумаю. А пока за работу.

Подхожу к багажу. Открываю первый подвернувшийся под руку сундук.

– Какая прелесть!

Мэнди восхищается голубым платьем с вышивкой. Красивое, да. Ткань напоминает атлас или шелк.

– Как думаешь, его продать можно?

– Да вы что?! – охает. – Да и дорогое очень.

– А если распороть? Кружево отдельно, ме... – так, тут явно не метры, – ткань отдельно? Мне в нем ходить всё равно некуда.

– Так можно. Но жалко.

– Жалко у пчелки, а пчелка на елке. А елка в лесу, а лес далеко, – бормочу присказку, доставая платье. – Так, вещи в

гардеробную. Всякие статуэтки куда-нибудь запрятать пока.

Берем по охапке вещей и несем в комнату. Нэнни взирает на нас с печальным и одновременно неодобрительным видом. Как археолог на черных копателей.

Снова выходим к сундукам.

– Мама, мама! – к нам бежит один из мальчишек. – Мы его прогнали далеко-далеко!

– Молодцы! Бобби, помоги нам. Бери вот эту маленькую корзинку и носи на второй этаж.

– Леди, вы такая! – мальчуган смотрит на меня восхищенными глазами. – Ух, как вы его! На! На, палкой! Мы всем рассказали!

– Молодцы, – улыбаюсь. – Вы тоже очень храбро себя вели. Без вас я бы не справилась.

Мальчишка смущается и краснеет. Видно, как ему приятно похвала.

– Я всем рассказал, какая красивая леди приехала! Всем-всем!

Смеюсь. Дети есть дети.

Подхватив корзинку, Бобби с важным видом несет ее в дом.

– Сколько ему?

– Восемь. Совсем уже большой. Мой помощник. Мужа два года назад в горах обвалом придавило. Вот мы с сыном и остались в поместье. Какая-никакая, а крыша над головой.

– Протекает?

– Местами.

Список неотложных дел только еще предстоит составить. А потом буду думать дальше. Но первое – нужны деньги.

– Держи, – нагружаю Мэнди вещами.

Несем еще по охапке в комнату. Однако приличное количество вещей Нэнни упихала в сундуки.

– Люстра не включается, – встречает нас недовольным ворчанием нянюшка. – Мне нужен свет. Принеси хоть свечи!

– До полной ревизии у нас экономия, – говорю, скидывая вещи в гардеробной. Завтра разберем при свете дня.

Перетаскиваем всю одежду и личные вещи. А вот то, что я сперла из того дома, прячем. Переглядываемся с Мэнди как заговорщицы. Потом выберу, что надо продать сразу.

Совсем темнеет, и Мэнди приносит одну свечу.

– И это всё?! Ты издеваешься?! – Нэнни опять недовольна.

– Корин просила передать, что ужин будет готов через полчаса, – опутив взгляд, лепечет Мэнди. – И для вас приготовили соседнюю комнату. Ваши вещи уже там.

– Какую соседнюю комнату?! – рявкает Нэнни. – Я не оставляю малышку Эмилию одну! Я буду спать здесь! Мало ли кто может бродить по дому ночью! Совсем уже с ума сошли!

О, вот уж нет! Спать я буду одна. Это уже не нянюшка, это просто какая-то надзирательница получается.

Может, когда я вернусь обратно, настоящая Эмилия уся-

дется у окна и будет вышивать, орошая ткань слезами, но сейчас такого не будет.

– Я закроюсь на ключ и подопру дверь стулом.

Пытаюсь успокоить Нэнни, но делаю только хуже.

– А если что-то случится, как я войду? – она даже из кресла подпрыгивает.

Зачем? Вот зачем входить в комнату к взрослой девушке, да еще и замужней? Может, она и в супружескую спальню заглядывала?

Нет, пора кардинально менять порядки.

– Мэнди, узнай, что там с ужином. Я бы хотела сегодня лечь спать пораньше.

– Слушаюсь, миледи.

Мэнди рада ускользнуть из комнаты. А я вот остаюсь один на один с Нэнни.

– Эмилия, я сплю здесь, и это не обсуждается.

Не возражаю. Но спать я буду одна. Хочу уже выспаться наконец-то! Завтра собираюсь встать на рассвете. Нужно захватить побольше светлой части суток.

– Эмилия, это необходимая мера предосторожности. Дом большой и пустой. Прислуги нет.

Молча слушаю нянюшку, она говорит разумные вещи. Но я не собираюсь им следовать.

– Поместье в кошмарном состоянии. Одна свеча на всю комнату! И та не магическая, – Нэнни переключается на наш быт. – Почему управляющего еще нет? Неужели мальчишку

за ним не отправили? Где этот бездельник? Я хочу с ним поговорить!

– Нэнни, управляющий удрал с деньгами, – говорю спокойно и уверенно. – Думаю, еще и ценные вещи прихватил.
– Да как такое может быть?!

Нэнни в раздражении стучит клюкой по полу. Но рано или поздно ей придется принять новую реальность.

Продолжать читать мне нотации ей мешает вернувшаяся Мэнди. Она либо не знала, либо позабыла правила этикета. За что тут же на нее набрасывается с упреками Нэнни.

– Да кто ж так стол сервирует? Наоборот ставь. А где остальные вилки? Ты предлагаешь всё есть одной? Салатная где?

Мы с Мэнди переглядываемся. На постоянных дворах не до этикета было, а сейчас я точно проважусь.

– Нэнни, оставь, – пытаюсь спасти себя и горничную. – Здесь никого, кроме нас, нет.

– Леди, даже оставаясь в одиночестве, должна вести себя как предписывают правила.

– Да где вы этого набрались? Столько правил! Даже дышать нельзя спокойно.

Мэнди не выдерживает. А я внутренне радуюсь. Мне тоже интересно, откуда взялась нянюшка.

– Я – высококвалифицированная гувернантка, – гордо произносит Нэнни. – Я с отличием закончила самую лучшую школу гувернанток. Наизусть знаю все правила этикета, сер-

виновки и прочее. Я точно знаю, какой должна быть истинная леди. Без меня моя дорогая Мелисса никогда бы не покорила сердце графа, а Эмилия не была бы столь изысканно воспитана. Школы никогда не дадут нужного воспитания. Я категорически запретила Мелиссе отдавать бедняжку Эмилию в школу. Совершенно не доверяю такому образованию. Только домашнее обучение и только самые лучшие учителя. А вот как тебя наняли, я не понимаю. Ты совершенно ничего не знаешь и не умеешь!

– Как будто здесь большой выбор за такое жалкое жалованье, – бурчит Мэнди.

– Когда-то в этом доме была вышколенная прислуга, – Нэнни завелась – не остановить. – Кроме Томаса. Этот старый болван и тогда был болваном! Вас всех нужно уволить, и нанять тех, кто не путает бокал для воды с бокалом для лимонада!

Упс, а и для этого нужны разные бокалы? Ё-моё!

Горничная испуганно вздрагивает. Ну нет, пока я тут хозяйка, сама буду решать. Я уже как будто ответственность какую-то чувствую за этих людей.

– Мэнди, – вмешиваюсь, – после ужина принеси воды для умывания. И лягу спать рано. А завтра разбудишь меня с первыми лучами солнца.

– Слушаюсь, – сделав книксен, Мэнди торопливо покидает комнату.

Вытерев руки тканевой влажной салфеткой, сажусь за

стол. Пачку антибактериальных бы сюда.

– Вот так, – Нэнни сама накладывает еду мне на тарелку.
– Хватит. Иначе талия станет больше.

– Ну и ладно, – я перехватываю блюдо и накладываю себе еще.

– Эмилия!

Возмущенная Нэнни тянет блюдо на себя. Да ага, не отдам!

Ужин проходит «весело». Нэнни, не замолкая, читает и читает нотации, пытаюсь воззвать к моей совести. Еще и тарелку пыталась отобрать.

– Вилку в руку воткну, – грозно пообещала я.

Забирать у меня еду Нэнни перестала, но не успокоилась.

– Эмилия, ты должна сохранить свою красоту. Денег у тебя нет, и только красота и манеры помогут выйти замуж.

– Я уже замужем.

Ммм, какое вкусное мясо. Я ем просто тушеную картошку с мясом. Дома часто готовила похожее жаркое. Вкусно, сытно, много.

– Я напишу королю прошение о разводе. Но не уверена, что удастся забрать всё имущество. А красота очень даже поможет в поисках нового мужа.

– А может, я не хочу?

Мой вопрос приводит старушку в шок.

– Ты не можешь не хотеть! – гроыхает она. – Обязанность леди – выйти замуж и родить наследников. Леди со-

здана украшать собой мир. Выброси эти глупости из головы. Оформит твой развод. И снова найдем тебе мужа. Он будет о тебе заботиться. Решать все проблемы. Ну и я рядышком доживу тихо-спокойно.

С одной стороны, старушку можно понять. Но с другой... В голове моей такой уклад не укладывается.

– Эмилия, прекрати столько есть. Ты не влезешь в платье. Ха, да мы их распорем и продадим.

– Миледи, вода.

Опять забыв постучать, входит Мэнди. За что и получает. Заканчиваю ужин. Горничная уносит ужин. И пока Нэнни уходит в свою комнату, я закрываюсь.

– Эмилия, открой немедленно!

Нянюшка стучит клюкой в дверь.

– Открывай! Ты что себе стала позволять?!

– Нэнни, дорогая моя, увидимся утром! Спокойных снов, – радостным голосом желаю.

Ура, наконец-то я одна! Нужно быстренько умыться, пока еще свеча не прогорела до конца, и лечь в кровать. А думать можно и в темноте.

Подумать есть над чем.

Глава 8

Вопреки прогнозам Нэнни, никто нам спать не мешал. А проснулась я сама, когда рассвело. Сладко потянувшись, улыбнулась новому дню.

Прекрасно просыпаться, когда хорошо отдохнула. Кровать удобная, тело после поездки в карете почти не болит. А еще нет этого ужасного надоевшего грохота, скрипа и ничего не качается. Тошноты тоже нет.

Такие простые вещи повышают мне настроение.

Прислушиваюсь. Ничего подозрительного не доносится.

Встаю с кровати и иду в гардеробную. Там есть окно и зеркало. Скидываю ночную рубашку, и начинаю себя внимательно рассматривать. Очень хрупкое телосложение. Прямо тонкое такое. Не помешало бы немного мяса на эти косточки.

Согнув правую руку, пытаюсь нащупать бицепс. Ожидаемо его нет.

– Будем всё менять, – говорю своему отражению. – Хорошо есть и качаться. А то ветром унесет.

Не зря же я ходила на всякие фитнесы. Просто если оставить тело в таком состоянии, да еще и питаться, как говорит Нэнни, то реально ничего тяжелее иголки поднимать не получится.

Нянюшка будет в шоке в очередной раз. Но что делать?

Меня очень радует пункт про хорошо кушать.

Мне кажется, я уже где-то на стадии смирения. Привыкла к этому телу. Полночи строила планы, будто собираюсь здесь остаться.

А если останусь... Чего я очень не хочу!.. То тем более нужно сделать жизнь как можно более комфортной. Эмили, а пока мне, всего двадцать.

Заменив ночную рубашку на нижнюю на широких бретелях, перед зеркалом делаю зарядку.

– Обалденный спортивный лучок, – не могу не смеяться.

Зрелище просто комичное. Но я беру себя в руки и доделываю простенький комплекс. И устаю, как не знаю кто. Ну вся запыхалась. Вся!

И какие домашние дела в таком состоянии?

– Миледи, это я, – Мэнди осторожно стучит в дверь.

– Доброе утро.

К приходу Мэнди я уже умыта и кое-как одета, чем очень ее удивляю.

– Помоги застегнуть платье. До чего же неудобно.

– Но очень красиво, – Мэнди мягко улыбается. – Такие ткани дорогие. К нам такое даже не привозят. Это надо ехать в Эйнир. Или лучше вообще к драконам. Говорят, там такие ярмарки бывают!

В голосе горничной появляется восторг. Но еще и драконов я сейчас не вывезу.

– Пока подождем с драконами. Давай-ка мы разложим ве-

щи в гардеробной. Заодно и выберем, что можно продать. Целиком или по частям.

– Неужели не жалко?

Мэнди смотрит на меня с сочувствием. А я задумываюсь, как ей ответить. Вещи чужие, я к ним не привязана.

– Жалко, – говорю со вздохом. – Но нам нужны деньги. Да и платья напоминают о муже-подлеце.

– Ах, миледи, вы такая красавица. Манеры изысканные. Знатного происхождения. Что ему не так?

Да козел он обыкновенный. Альфонс и дармоед. Но так выражаться леди не может. Так что просто пожимаю плечами.

– Мэнди, давай приступать, а то скоро Нэнни проснется.

Горничная вздрагивает. Опасливо косится на дверь. И испуганно шепчет:

– Простите, миледи, но ваша нянюшка нам не нравится. Слишком командовать любит. Да и злая какая-то. Томас говорит, и в молодости всех гоняла. Прямо мучила правилами и этикетом. Она точно нас не выгонит?

Смотрю на горничную. Она на самом деле очень боится.

– Запомни, Мэнди, – говорю уверенно и твердо, – пока я здесь хозяйка, кого увольнять или нанимать – буду решать только я. И мои приказы должны выполняться. Нэнни же может только просить и советовать.

– Ой, миледи, вы меня так успокоили!

Мэнди, улыбаясь, складывает руки у груди.

– Мы ведь чего тут втроем остались. Нам просто идти некуда. У нас вот с Бобби после гибели моего дорогого мужа дом отобрали. Пришлось сюда перебираться. Корин из соседнего герцогства. Ее прогнала свекровь за то, что родить не смогла. А семья принять отказалась. Ну а Томас просто стар уже куда-то уходить. Он тут жил с рождения. Остальные ушли, когда тощий Барти сбежал.

– Тощий Барти?

– Простите. Мистер Бартоломью Глостерхилл. Управляющий, – поясняет Мэнди. – Это он довел поместье до такого состояния. Не следил. Не нанимал достаточно слуг. Разграбил практически Торнхейм. Мы писали вашим родителям, но ответных писем не получали.

– Уверена, родители тоже писем не получали. Что ж, попробуем что-нибудь сделать.

Под причитания и охи горничной мы разбирали мои вещи. Очень красивые, но очень непрактичные платья я отложила недогнувшей рукой. Продать или распороть. Мэнди заверила, что это купят.

А я себе отметила, что почти нет теплой одежды. Всё какие-то кофточки и легкий плащ.

– Оставьте хотя бы это, – Мэнди прижала к груди светло-зеленое шелковое платье с цветочной вышивкой. – Ну вдруг всё же поедете на ярмарку. Не к драконам, так хоть на нашу.

– Хорошо, – соглашаюсь, подумав с минуту.

Пока разбирали вещи, окончательно настало утро. Пришла Корин. Узнать, буду ли я завтракать и где накрывать. На наши голоса вышла из своей комнаты заспанная Нэнни.

– Чего галдите? Разбудите леди!

– Да я уже встала давно, – развожу руками. – Позавтракаю и пойду осматривать поместье.

– Одна?!

Нэнни, мгновенно проснувшись, приходит в ужас.

– Не позволю! Девушки твоего возраста не должны бродить одни. Особенно в такой близости от драконов!

– Ой, да что он мне сделает? Украдет, что ли? – фыркаю легкомысленно.

Мэнди с Корин, отвернувшись, хихикают, а Нэнни... О, мне кажется, она уже мысленно примеряется к розгам.

– И думать забудь! Ты все-таки замужем! – чеканит нянюшка. – Не позволю так позориться!

– Как? – спрашиваю.

Мне очень интересно, но Нэнни, недовольно поджав губы, молча уходит.

Это что ж такого драконы эти делают с девушками, а?

Поворачиваюсь к Корин и Мэнди. Стоят хихикают, глазами сверкают.

– Рассказывайте, что такого тут творят драконы.

Женщины переглядываются, и продолжают хихикать.

– Так что не так с драконами? – спрашиваю строго.

Сложив руки на груди, смотрю на хохотушек. Я могу вы-

сказать предположения, но боюсь шокировать.

– Да всё так, – Корин мечтательно улыбается. – Они все красавчики. Высокие, подтянутые, вежливые-е-е.

– Поэтому девушки легко теряют от них головы, – вздыхает Мэнди. – Если влюбилась в дракона, то всё. На других не взглянешь.

Интересно, это что ж тут за красавчики такие водятся?

– Хорошо, что наш сосед-дракон мрачный и противный, – добавляет Корин.

– А у нас сосед – дракон?!

– Ну да. Живет в тех горах. Это ж граница нашего королевства и драконьей империи, – начинает объяснять Корин. – Мрачный, всегда недовольный, на лице шрамы страшные. Ужас.

Она передергивает плечами. Брезгливо кривится.

Отлично, теперь у меня есть приметы дракона – мрачный и с шрамами.

– Ой, я ж чего пришла! – спохватывается Корин. – Завтрак готов. Я вам яичницу пожарила. Тосты сделала.

– Какие тосты? – из своей комнаты снова появляется Нэнни.

Черное глухое платье застегнуто на все до единой мелкие пуговички. На седых волосах – черная лента.

– Какао и свежие булочки. С лимонным джемом!

– Давай яичницу, – взмахиваю рукой. – Быстро позавтракаю, и пойду огляжусь.

– Леди всегда ест не спеша.

Нэнни, мне кажется, промолчать не может чисто физически.

– У леди нет на долгие рассиживания свечей. Так что леди будет быстро есть и быстро ходить.

Нэнни моих слов не одобряет. Ожидаемо, начинает напоминать мне о правилах.

– Эмилия, кто помогал тебе одеться?

– Мэнди, – не скрываю.

– Я и вижу, что талия широка. Корсет не затянут как следует.

Ха, да я вообще корсет проигнорировала. Но Нэнни не скажу. Постепенно нянюшку приучу, что всё изменилось. Ну или вернусь домой. А там пусть настоящая Эмилия разгребает.

Нэнни всё поучает и поучает, пока Корин бежит за завтраком. Мне становится ужасно неудобно. Можно же было и самой на кухню сходить. Поела бы там.

– Как вульгарно, – комментирует Нэнни сервировку и еду.

А меня другое волнует:

– Корин, а что с запасами?

– Не очень, – получаю честный ответ. – Садим небольшой огородик, но растет плохо. Земля не самая плодородная, а на магические добавки денег нет.

– Давай так. Через полчаса встречаемся на крыльце. И ты мне все показываешь.

– Слушаюсь, – кивает, и буквально убегает.

– Эмилия, ты ведешь себя возмутительно, – неодобрительно произносит Нэнни. – Ты не умеешь воспитывать слуг. И с этой минуты это буду делать я.

– Нэнни, а ты понимаешь, что если они уйдут, мы останемся одни? У нас нет денег нанять других. Да и нанимать некого. Я понимаю, ты помнишь этот дом совсем другим. Но мы не в том положении, чтобы привередничать. Я просто не могу себе позволить сидеть за вышивкой целыми днями.

И тут мне в голову приходит еще один аргумент:

– Когда закончатся нитки, которые мы привезли, другие купить не сможем. Нэнни, мы никому не нужны. Нам никто не поможет. Нам не на кого рассчитывать, кроме себя. И еще надо придумать, что можно продать, чтобы появилось хоть немного денег.

– Ты не можешь быть торговкой!

Могу! Еще как могу. У меня финансовое образование. Надеюсь, оно поможет мне разобраться в местных законах и налогах. А налоги точно есть, их не может не быть. Вопрос в размере.

– А нам пока и предложить нечего.

Я ставлю в этом бессмысленном разговоре точку. Быстро проглатываю яичницу, грызу чуть суховатые тосты, запивая всё ароматным чаем. Нэнни вяло ковыряется вилкой в своей тарелке, постоянно задумывается и тяжело вздыхает.

– Ты изменилась, Эмилия.

Ну, трудно было не заметить.

– Я много думала, пока ехали. Нэнни, я тебя люблю и ценю всё, что ты сделала. Но по-прежнему мы жить не можем. Завтракай спокойно. Я пойду осматривать наш старый новый дом.

Оставив нянюшку осознавать сказанное, убегаю из комнаты. Без корсета реально дышать легче. Но тело всё равно какое-то вялое, что ли. Нет, не так. Изнеженное, вот!

Спускаюсь по лестнице. Уже светло, можно рассмотреть убранство. Красиво даже сейчас, несмотря на запустение и обветшание.

– Идемте? – говорю Корин и Мэнди, которые повернулись ко мне.

Женщины стояли у двери и о чем-то тихонько шептались.

– Печальное зрелище, – вздыхает Корин. – Но вы и сами догадались, – она замолкает, недолго мнется и продолжает: – Миссис Эмилия, я посмотрела вещи, которые вы отложили для продажи. Все очень красивые и дорогие, но у нас их никто не купит. Дорогие слишком.

– Тогда продадим здесь, что получится, остальное отвезем в город. Идемте.

Я решительно открываю дверь и выхожу. Сразу ежусь. Прохладно! Нужно серьезно озаботиться подходящей одеждой.

Оглядываю внимательно двор. На центральной клумбе пытаются расти вроде бы розы. Между брусчаткой неплохо

чувствует себя трава. Даже отсюда видно, что столбы покоились, и ворота висят криво.

Спускаюсь, и тут из-за куста выходит курица. Важно проходит мимо. На секунду задерживается, смотрит на меня и топает дальше.

– Мы курочек держим, – виновато говорит Мэнди. – Еще немного уток и гусей. Они на пруду сейчас. И парочку свиней. А за молоком и сметаной ходим в деревню. И говядину там покупаем. Иногда.

Слушать это очень тяжело.

– Вы молодцы, смогли устроиться.

Надеюсь, в моем голосе не слышно слез.

– Вы что-то про огород говорили. Я хочу посмотреть.

Очень надеюсь, что мои умения и здесь пригодятся. Корин и Мэнди и без меня должны знать, как правильно ухаживать за огородом. Но и я попробую что-нибудь внедрить инновационное.

– Сюда, миссис Эмилия.

– Я тоже иду! – за нашими спинами раздается голос Нэнни. – Почему куры ходят здесь? Курей в поместье не должно быть! Их место в деревенских курятниках!

Нэнни идет с нами за дом. Охает и ахает на каждый кустик. Причитает возле каждого камешка. Огородик разбит с защищенной от ветра стороны. А ветер довольно сильный, холодный и пронизывающий. Нэнни на каждый порыв ругается и клянет «моего» муженька. Ее настроение становится

хуже и хуже. Особенно когда видит огород.

– Маловат огородик, – говорю я. – Расширять надо. С этого не прокормишься. С огородом я помогу.

– Нет! – Нэнни буквально грудью встает между мной и огородом. – Эмилия, ты не можешь! Обветрится личико нежное, испачкаются ручки мягкие. На кого ты станешь похожа?

Ее причитания уже действуют мне на нервы.

– Знаешь что? – не выдерживаю я. – Лучше я испачкаю руки, чем протяну ноги!

Глава 9

Нэнни смотрит на меня, открыв рот. Но сколько можно уже? Я и в двадцать по характеру была не сахар, а к сорока пяти так вообще такая ягодка стала, туши свет.

– Рассказывайте, что и как тут вырастить можно.

Корин с Мэнди бросают быстрые опасливые взгляды на недовольно сопящую Нэнни. Ответить решается Корин.

– Да всё больше мелочь разную. Зеленушку всякую. Укропчик там, щавель, лучок. Чеснок вот хорошо растёт. За ягодами в лес ходим и к болотам. Чего их тут выращивать? Тыквы вот плохо растут. Земля в поместье всё больше с камнями, а чтобы пригодная стала, это надо амулеты купить. Или, простите, много навоза завозить.

– Леди и слов таких слышать не должна!

– А что не так с навозом? – меня удивляет этот факт. – Деревня рядом. Неужели такая редкость?

– Да не редкость, – отвечает Мэнди, – только у всех свои огороды да поля. Так, немного покупаем, немного собираем. А теперь вот свои лошадки будут.

Конский навоз это да, хорошее дело. На дачу я за приличные деньги целый борт купила. Но это там! Мегаполис, деревень вокруг нет, сплошные дачи. А тут чего такой дефицитный продукт?

– Лошадки плохонькие.

Я обращаюсь на голос Томаса. Старый конюх ковыляет, опираясь на толстую палку.

– Староватые уже. Отдыха им много надо. Но уж такие лучше, чем совсем никаких. Только теперь сена им надо купить. Зерна. Я уж для двух лошадей на всю зиму сам не накошу. Старый совсем стал.

– Купим, – уверенно киваю. – Вы только выбирать будете. А то я в сене не разбираюсь.

– Ты – леди! Какое сено?!

Томас медленно поворачивается к Нэнни.

– Ой, ты можешь хоть иногда помолчать? В сене разбираться гораздо полезнее, чем в куче вилок. Вилкой и одной есть можно. А вот ежели сено плохое, то скотина вся подохнет. А жрать станет нечего. Хоть одной вилкой, хоть десятью.

Ох, нравится мне Томас! Хороший дедок, хозяйственный. Моего дедулю напоминает. Такой же седой, с добрым взглядом и за словом в карман не лезет.

– А ты мне рот не затыкай!

Нэнни ему уступать не собирается. Смотрит таким взглядом, как будто сейчас клюкой его побьет.

– Значит, сено. Томас, а хранить его как и где? Сколько надо? А зерно? Тоже хранить надо. Чтобы не сопрело. Или мыши не испортили.

– От за мышей можешь не волноваться, – по-доброму улыбается Томас. – С мышами у нас разговор короткий.

Я не успеваю спросить, как справляются, Томас показы-

вает пальцем от меня в сторону.

– Гляди, идет. Два дня где-то шлялся.

Поворачиваю голову. Мамочки!

К нам вальяжно, с полным осознанием своей красоты, плывет кот. Важный, с царским взглядом. Огромный котище ставит лапы так, словно прогуливается по подиуму.

– Какой красавчик!!! – я не могу сдержать восторга. – Сразу видно, кто здесь хозяин!

Кот просто невероятен! Огромный, пушистый, а хвост... Хвостище – это отдельный восторг. Про усы я просто молчу. Шикарные, слов нет.

– Красавец! Невероятный красавец! Как его зовут?

Я глаз отвести не могу от кота. Очень хочется погладить его по блестящей серо-полосатой шерсти. Ну что за тигр этот лев?

– Кот да кот, – усмехается Томас, – но, подлец, огромный вырос. Я его в камышах около болота котенком вытащил. Мелкий был, а орал на всю округу, как здоровенная зверюга. Девкам жалко его стало. Выкормили вот.

– Хозяин, – смеюсь я, опускаясь на корточки. – Добрый день. Давайте знакомиться?

Кот останавливается от меня в двух шагах. Окидывает оценивающим взглядом. Жмурит невероятные зелено-желтые глаза. Похоже, кошачьи и в этом мире типичные кошачьи.

– У меня такое ощущение, что это я у тебя жить буду.

– Глупости какие, – фыркает Нэнни. – Пусть в сарай уходит.

– Нет, такой красавчик должен после всех трудов отдыхать на диване.

Я с нянюшкой не согласна. Огромный кот просто заворачивает. Он ростом мне чуть не по колено. А весом... Мне кажется, я его не подниму.

– Как я хочу тебя погладить, – говорю, осторожно протягивая руку. – Ты такой... Ну настоящее кошачье величество.

Кот мои восторги принимает благосклонно. Обнюхивает мою ладонь. И дает почесать голову. Осторожно чешу его за ухом. Кот жмурится. Он не проявляет агрессии, и я смелею. Такая большая и мягкая меховушка! Всё, я готова наглаживать километры кота в день!

– Красавец. Умница. Мышелов, – нахваливаю котика. – Такой большой. Такой пушистый. Тебе нужно имя. Давай будешь Барсиком?

– Барсиком? – удивляется Нэнни.

– Как снежный барс. Только маленький. Барсик. Тебе нравится? – спрашиваю кота.

Он лениво приоткрывает один глаз, и огромной башкой толкает меня в ладонь. Типа, ты давай не останавливайся. Падает на бок, вытягивается на траве. Ой, ну всё, оторваться я не смогу.

– В общем, за зерно можно не переживать, да, Барсик? Ты всех мышей выловишь. Спаситель.

Барсик, чуть приподняв голову, смотрит на меня с видом «и ты смеешь сомневаться?».

Как же я хотела завести себе друга! Кота, кошку, собаку... но с моей работой это было очень сложно сделать. А теперь, кажется, кот завел себе человека.

Да какой кот! Он чем-то похож на манула и огромную сибирскую кошку. А уж размерчик! Как два мейнкуна! Я покорена с первого взгляда.

Чешу кошачий бок. Толстенький и мягкий. И тут Барсик начинает тарыхтеть.

По моим рукам начинает идти вибрация. Кот тарыхтит громко. Мне кажется, он может создать маленькое локальное землетрясение.

Да, такую кисоньку на руки не возьмешь.

И чтобы напомнить, что он не просто котик, а хищник, Барсик зевает. Пасть как у настоящего барса, а зубы... Клыки сантиметра по полтора.

Надеюсь, он не вцепится мне в руку.

– От нахал, – усмехается Томас. – Хорошо устроился, паразит усатый. Эх, я тоже бы не отказался.

– Замолчи, старый пень! – рывкает на него Нэнни. – Ты что такое несешь при молоденькой леди?!

– Так леди вроде ж замужем, – дразнит ее Томас.

– Давайте вернемся к сему, – меняю я тему разговора.

Нэнни так зла, что того гляди реально стукнет Томаса своей тростью. Неужели Эмилия не знакома с этой частью бра-

ка? Хотя спрашивай, спала она с мужем или нет. Но тогда Нэнни точно сердечный приступ словит.

– Томас, проверьте, где хранить будем. Может, чего отремонтировать надо.

– Да тут всё ремонтировать надо. Доски нужны, черепица.

Я знаю, что сено хранят в стогах под открытым небом. В детстве было весело его утаптывать. Только потом вся чесалась. Здесь так не делают?

Но зерно точно под открытым небом не оставишь на зиму.

– Список составьте. И цены напишите. Подумаю, что можно сделать.

– Да что тут думать, – вздыхает Томас. – Денег надо. Ну или как-то в долг упросить.

– Нам не дадут. И так уже много должны, – грустно говорит Корин.

Вывод? Надо срочно продать что-то. А потом думать, какой бизнес открыть.

– Разберемся, – ободряюще произношу. – Но давайте вернемся к огороду. Надо землю как-то сделать пригодной.

– Амулеты купить. И навоз. И еще натаскать хорошей, – перечисляет Томас. – Только таскать кто будет? Да и без теплицы все равно земля холодная долго останется.

– Так была теплица. Надо было ее сохранять!

Опять Нэнни не смолчала. Она как будто не хочет до конца осознавать наше положение.

– Так без денег как это сделать? – спрашивает у нее Томас.

– Прекратить спор! – командуя я. – Теплицу запишем в планы. А пока начнем с высоких грядок. В этом году воспользоваться ими не успеем, но на следующий будет как раз.

– Это чего такое?

Томас прищуривается. Смотрит на меня внимательно. И с подозрением. Потом придумая, как отмазываться буду. Мне ведь такие вещи знать не положено.

– Сделаем длинные грядки, – я начинаю размахивать левой рукой. Правой ведь Барсика наглаживаю. – Чтобы с севера на юг были. Можно из старых досок сколотить. Вниз ветки потолще порубить, потом потоньше. Траву, навоз. Пусть преет и оседает. Сверху землей присыпать.

– Хитро-о, – ухмыляется Томас.

– Барсик, извини, дела, – говорю, вставая.

Кот лениво встает на лапы. Потягивается, прогибая спину и выпуская когти размером с приличные ножи.

– В саду обрезку делать надо. Вот все ветки с листьями в эти грядки и сложим. Толстые ветки пустим на дрова.

– Дело говоришь, – одобряет Томас. – Только садовник давно уволился. Надо из деревенских толкового искать.

– Сами разберемся. Книги же есть?

– Есть, – отвечает Мэнди. – Мы библиотеку почти всю собрагли. Книги есть. Сынок любит картинки разглядывать. Он ничего не испортил, честное слово! – быстро и испуганно добавляет.

– А что с инструментом? Лопаты, грабли, ножницы?

– Это есть. Это я сохранил. Все чинено и наточено.

Томас довольно улыбается.

– Эмилия, ты не можешь сама...

– Нэнни, я могу, – перебиваю нянюшку. – Могу сама. Всё равно больше некому. Но поместье же должно приносить доход. Как родители жили? На что?

– Ну это я не знаю, – нехотя произносит Нэнни.

– А я думал, ты всё знаешь!

– А это не мое дело! И вообще, я не сую нос в хозяйские дела!

О, сейчас опять начнется! Что они не поделили когда-то?

– Так, идемте дальше. Барсик, ты покажешь свои владения?

Кот, моргнув глазищами, топает вперед. Пушистый хвост несет как флаг. Но какая же у него походка деловая!

Осматриваю подзапущенный сад. Надо обрезать и формировать деревья. А гнилья нет. Стопили в каминах и печах. Клумбы надо полоть, розы обрезать. Здесь пытались содержать все в порядке, но рук и знаний явно не хватило. Не до хозяйских цветников, когда надо на жизнь зарабатывать.

Да и я центральной клумбой займусь нескоро. Есть дела гораздо важнее. Останавливаюсь перед домом. Кот утопал куда-то по своим кошачьим делам. Осматриваю фасад. Трещины, кое-где штукатурка обваливаться начала. Но на вид здание еще крепкое.

– А холода когда настанут?

– Здесь всегда холода, – ворчит Нэнни.

– Месяца через три. Если удача на нашей стороне, то не больше четырех.

На вопросы в основном отвечает Томас. Он знает больше всех.

– Значит, готовиться к ней нужно уже сейчас. Список надо составить, что чинить в первую очередь. А что добавляет комфорта, но терпит.

– Любишь ты списки, – хмыкает Томас.

Он уже окончательно перешел на «ты» к огромному неудовольствию Нэнни.

– Крышу кое-где...

– Воду! – чуть не выкрикивает Корин. – Воду. Хотя бы холодную. Согреть-то уже проще, чем таскать. Стирки прибавится. Да и уборки.

Она виновато опускает взгляд. Да, мы с Нэнни ложимся проблемами на ее плечи.

– Крыша, отопление, вода холодная и свет, – загибаю я пальцы. – Корма. И мне одежда теплая. А то я зимой от камина отойти не смогу. Так, мне надо всё это записать. Еще я от каждого жду список необходимого.

Томас при слове «список» опять усмехается. Вздыхаю.

– Действительно необходимого, – подчеркиваю. – Корин, Мэнди, я бы выпила чаю. И что-нибудь съела.

Меня от голода и усталости немного пошатывает. Завтрак был очень рано, а я уже прошла явно больше раза в три, чем

рекомендуемая норма в десять тысяч шагов.

– Потом составлю списки.

Томас опять посмеивается. Ну что поделаться, без списков столько дел в голове не удержать.

– Я поем прямо на кухне. Чтобы не тратить время на беготню.

Первой иду к дому. Я как-то еще не могу осознать, что этот подзапущенный дом на отшибе королевства может стать моим.

– Ха, Нэнни, а девка-то с характером! Удивительно, но тебе не удалось ее испортить, как ты испортила Мелиссу. Хозяйка из нее крепкая выйдет.

– Я не портила, – шипит Нэнни. – Я воспитала истинных леди. Кто ж виноват, что ваш край настолько дикий!

Глава 10

А мне здесь нравится. Суровая красота, очень сдержанная. Горы с белоснежными вершинами, седые валуны, вросшие в землю, маленькие, но яркие цветы. Ветер только, мягко говоря, освежающий.

Зато небо такое чистое! Облака белоснежные высоко плывут. И никакой мутной дымки от городского смога.

Довести тут всё до ума, и шикарное поместье получится. Но работы просто вот до фига и больше.

Корин обгоняет меня на крыльце. Открывает дверь.

– Миссис Эмилия, может, в вашу комнату подать? – испуганно спрашивает, косясь мне за плечо.

– На кухне поем, – решительно отказываюсь.

Нэнни, что-то ворча себе под нос, шаркает за нами. Придется ей привыкнуть. По всем правилам этикета жить, так я за весь день буду успевать только переодеваться между завтраком, обедом и ужином.

Кухня большая и светлая. И чистая. Всё блестит. Ни копти, ни жиринки. Боюсь представить, сколько сил уходит у Корин на уборку.

Она разжигает огонь. Специальных камней нет. Корин для облегчения своего труда ничего не попросила. Но я всё же попытаюсь это сделать.

– На кухне. Как селянка. Как прислуга в своем доме.

Нэнни тяжело опускается на стул. Она упорно пыталась за мной успевать, но часто останавливалась подождать нашего возвращения.

– Мне бы бумагу и карандаш. Есть?

– Сейчас принесу. В кабинете вашего деда есть записные книги, – спохватывается Мэнди.

Ее с кухни как ураган уносит. Возвращается она минуты через две, даже запыхалась.

– Вот, – кладет передо мной огрызок карандаша и толстую тетрадь. – Извините, карандаши, оказывается, сын списал.

– Он лазил в хозяйском кабинете?! – ужасается Нэнни.

– Благодарю.

Я открываю первую страницу. Бумага сильно пожелтела. А может, такая и была. Ставлю карандаш, даже делаю первую черточку. И замираю. Я на каком языке писать буду? Если на русском, сразу спалюсь. Медленно и осторожно вывожу «Список». Вроде не на русском.

– Миледи, какой у вас почерк красивый! Такой изящный! – восхищается Мэнди.

И правда. Мой реальный сильно не такой. Я уже больше привыкла по кнопкам тыкать, чем писать от руки.

Ладно, нейронный связи как-то там работают. Пишем дальше свой список неотложных дел. А он получается пугающе внушительным. Нельзя просто написать «починить крышу». Надо расписать материал, уточнить количество и цену. И так со всем.

В глазах Мэнди и Корин проскальзывает ужас, ведь я пишу уже третью страницу. Ох и потрепала мне нервы стройка, зато сейчас я примерно знаю, с чего начинать. Кто ж знал, что самой придется разбираться, как должен быть связан арматурный каркас фундамента.

Эх, дачка моя, дачка... Зарастает там всё. Вянет. Жалко, сил нет как! Всплакнуть даже хочется.

Выдохнув, беру себя в руки. Что там дальше? Водопровод. Его своими силами не починить. Нужен маг. Насосов глубинных и повысительных здесь не изобрели еще. Боюсь даже представить, в какую астрономическую сумму это выйдет.

– А этого мага-водопроводника где найти можно?

Сантехник-кудесник.

– Из Эйнира выписать, – отвечает Корин.

Она ловко переставляет огромные и явно тяжелые сковородки. Пахнет уже невероятно вкусно. Сижую жду и облизываюсь.

– Не в каждой деревне даже погодник есть. А водопроводнику так и вообще работы не будет. Дорого очень.

– По отоплению мага тоже из Эйнира выписывать?

– А как же. Каминщик свой есть. Но он обычные каминные и печи класть умеет. А вот чтобы само работало, то это маг нужен уже. С квалификацией.

В общем, с техническим прогрессом здесь туго. Хорошо с магическим. Но с магами плохо, так что до массового внед-

рения благ цивилизации еще жить и жить.

– Пожалуйста, мисс Эмилия.

Корин ставит на стол тарелку с жареной картошкой и колбасками. Ммм, как это невероятно аппетитно!

– Миссис! – возмущается Нэнни. – Миледи. А лучше Ваша Светлость.

– Обойдемся без Светлости, – говорю я, втыкая вилку в колбаску.

Ем я быстро. Потому что остальные тоже есть хотят, а за стол со мной не сядут. Да и Нэнни тогда скандал закатит.

– Корин, очень вкусно. Благодарю.

Встаю из-за стола, прихватываю кружку с чаем.

– Пока дом осматрю. Потом продолжим наш разговор.

С осмотром дома поможет Нэнни. Она тут много лет прожила, воспитывая маму Эмили.

И конечно, стоит только покинуть кухню, как Нэнни опять пытается меня воспитывать.

– Эмилия, я тебя не узнаю. Где моя кроткая леди?

– Осталась в прошлой жизни. Нэнни, нет ее больше.

Я говорю уверенно. Как будто и сама в глубине души понимаю, что домой не вернусь. Но до конца разумом в это верить отказываюсь. Надежда, как говорится, умирает последней.

– Мы можем надеяться только на себя. Нэнни, мне нужно повзрослеть, иначе мы не выживем. Нужно здесь обосноваться. А потом пробовать отбить мое состояние у муженька.

Если к тому времени всё не растратит. Оглянуться не успеем, как придет осень. А потом и зима. И мне очень не хочется сидеть у камина, кутаясь в одеяла. Я хочу комфортный, удобный дом. Для этого нужны деньги. Я не хочу благородную нищету. Надо будет, и с драконом подружусь!

Моего решительного заявления Нэнни пугается.

– Никогда! Никогда ноги дракона в поместье не будет! Костями лягу, но ты с драконом и словом не перемолвишься.

– Хорошо, – легко соглашаюсь. – Покажи мне библиотеку и кабинет деда, пока не стемнело.

Нэнни успокаивается. Шаркает вперед, тяжело постукивая клюкой.

Не стоит ее волновать, упорствуя в мелочах.

А на дракона я всё-таки посмотрю. Интересно же. Но позже. А пока нужно хоть часть дома осмотреть.

Торнхейм подзапущен, но даже в таком виде он удивительно уютный. На стенах белая штукатурка. Оконные рамы добротные, сделаны из настоящего дерева. Сейчас деревянные окна из массива стоят просто безумных денег. Откосы тоже деревянные.

Полы – отдельный восторг. Невероятно шикарные широкие доски, уложенные вразбежку, плотно подогнаны друг к другу. Это даже круче паркета.

– А ковры куда делись? – недоуменно спрашивает Нэнни.
– Здесь ковры лежали! У кого рука поднялась их выкинуть?
Не думаю, что их выкинули. Или продали, или украли.

Нэнни проходит в самый конец коридора и толкает тяжелую дверь, которой коридор оканчивается.

– Вот. Библиотека твоего деда. Там дальше его кабинет.

Делаю шаг и попадаю в библиотеку мечты. Разинув рот, медленно обвожу взглядом комнату. Она прямоугольная. Если глазомер меня не подводит, то метров десять на пятнадцать. И потолки метров пять-шесть. Мне кажется, библиотека в два этажа высотой, и коридор второго этажа упирается в глухую стену.

По коротким сторонам окна почти до потолка. Огромные. И с широкими подоконниками. Боже, такой подоконник – моя мечта! На нем можно сидеть, как на лавке. Только парочку подушек кинуть и матрасик постелить. Наверняка здесь классно было играть в прятки.

Чуть поодаль от окна стоят два глубоких кресла с высокими спинками, а между ними столик. Камин закрыт кованой решеткой. На полу потертый сине-бежевый ковер. И книжные шкафы. Они занимают все стены от пола до потолка. А чтобы можно было добраться до верхних полок, по центру шкафов прикрепили штангу, по которой ездит лестница!

Это не библиотека, это мечта!

– Нэнни, здесь есть лесенка! – прыгаю я от восторга.

– А иначе как достать до верху? – нянюшка не понимает, чему я так радуюсь.

Да я такие библиотеки видела только на экскурсиях. Обожаю книги! Запах типографской краски, шелест страниц.

Сидеть с бумажной книгой, это же совсем другое, чем читать электронку на ходу.

О, кажется, это будет моим любимым местом в доме.

Эта мысль приходит так естественно, что я не сразу понимаю – это же не мой дом, а Эмили. Не я владелица Торнхейма.

И в эту минуту я об этом жалею.

Но пока я в этом доме, дела буду вести отсюда.

– Дальше кабинет, – Нэнни указывает клюкой на деревянную арку.

Мысленно потирая руки от предвкушения, захожу в кабинет.

За правой стороной арки стоит ну просто огромный стол. Такой, как в старинных особняках: массивный, полированный, с тумбами и такой полочкой по центру. На столе даже есть письменный прибор, сделанный из зеленого камня.

Малахит? Нет. Слишком прозрачный. А внутри камня словно зеленоватый свет течет. Именно течет медленно, а не просто светит.

Беру в руки пресс-папье. Тяжелое. И пресс-бювар есть! Чернильница, песочница и подставка для перьев. Даже ножик с ручкой из этого же камня – вскрывать письма.

Таким антиквариатом пользоваться страшно. Но какое же все красивое. Сразу видно – хозяин дома был человеком основательным.

Украдкой кидаю взгляд на Нэнни, застывшую под аркой.

Интересно, как ему в голову пришло нанять такую гувернантку? Почему не научил дочь управлять имением?

Провожу по столешнице пальцем. Немного пыльно, но это легко исправить. Обойдя стол, усаживаюсь в солидное кожаное кресло. Сразу чувствую себя генеральным директором Торнхейма. У нашего гендира не такое крутое.

А на работе меня должны были уже потерять...

И как я буду объяснять, где пропадала?

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Выдвигаю первый ящик. В нем сложены листы бумаги, пожелтевшие от времени. В следующем нахожу записные книжки. Выдвигаю третий.

«Дневник наблюдений» – от руки написано на обложке. О, это должно быть интересно!

Кладу на стол. Обязательно чуть позже прочитаю. Но меня интересуют бухгалтерские книги, или что-то подобное. В поместьях, если я правильно помню, всегда вели бухгалтерию.

Роюсь во всех ящиках, но ничего подобного не нахожу.

– Детонька, что ты там потеряла? – спрашивает Нэнни.

– Книги по приходам и расходам, – выкручиваюсь я. Как бы узнать – есть тут термин «бухгалтерия» или нет.

– Дед твой вон туда их ставил, – Нэнни клюкой указывает на стеллаж на противоположной стене.

Быстро иду туда.

На всех полках стоят одинаковые журналы, наверное. На корешках прописаны годы. Так, а сейчас какой?

Постукивая клюкой, подходит Нэнни.

– Дед твой очень любил все записывать. Что и когда посадили, какая погода была чуть не по дням. Сколько урожая собрано, по какой цене продано. Сам что-то вечно высаживал. Как будто и не аристократ, – фыркнула она.

Мне даже обидно стало за дедушку Эмилиии, как за родного! Видно же, что любил эту землю. Как я люблю свою дачку. И подход у меня к огородничеству схожий.

Хочу спросить, но прикусываю язык. А вдруг Эмилия знает, почему ее маму непременно нужно было выдать замуж подальше отсюда.

Или дед просто не предполагал, что дело так повернется?

Надеюсь, его записи помогут мне не тыкаться вслепую.

– А где книги за последние пять лет? – Нэнни тычет клюкой в полку. – В тысяча триста пятьдесят втором твой дед умер, и всё. Книг нет. А сейчас пятьдесят седьмой.

Прекрасно, я знаю, какой здесь год. Осталось выяснить число и месяц.

– В столе лежат, наверное.

– Нет в столе ничего похожего, – задумчиво произношу. – А ты не знаешь, когда управляющим стал тощий Барти?

– Кто-о? – в голове Нэнни появляются воспитательные нотки.

Но я просто не вспомню, как зовут сбежавшего управляющего. И, похоже, я стопроцентно знаю, куда делись книги за пять лет. Если они вообще велись.

– Эмилия, ты все равно не сможешь управлять Торнхеймом, – уверенно заявляет нянюшка.

М-да, а что такое «поддержка» она знает?

– Смогу! – не менее уверенно заявляю.

Не квантовая физика же, разберусь!

Глава 11

– Так, мне нужна тряпка и таз с водой.

– Зачем? – Нэнни с подозрением смотрит на меня.

– Протереть стол, кресло и письменный набор. Ты видела, какой там слой пыли? А я хочу писать свои списки здесь.

– У тебя есть слуги! – Нэнни с негодованием стучит клюшкой об пол. – Эмилия! Да что с тобой происходит? Я тебя не узнаю!

– А надоело! – задрав нос, складываю руки на груди. – Не хочу я вышивать. И кружева с цветочками надоели! Видишь, моему мужу... – блин, я забыла, как этого говнюка зовут, – такая идеальная жена не понравилась! Вот и не буду больше идеальной!

– Эмилия! – Нэнни с ужасом хватается за сердце. – Просто Ламли оказался негодяем. Но другой...

– Не нужен мне другой, – задираю я нос.

Оказывается, играть капризную девицу не так уж сложно.

– Если уж и пойду замуж, то только за дракона!

От моего заявления Нэнни бледнеет. А меня начинает покусывать совесть. Не перестараться бы. А то угроблю еще нянюшку. Вдруг ей станет плохо, а что здесь с медициной, я пока не знаю.

– Никаких драконов, – жестко ставит точку Нэнни. – Я схожу за Мэнди. Пусть принесет таз с водой и тряпку.

– Благодарю. О! Если они уже поужинали, то пусть Корин тоже приходит. Пока окончательно не стемнело, начнем уборку здесь.

Согласно кивнув, Нэнни уходит. Я слежу взглядом, как она медленно бредет к двери старческой походкой. Но осанку старается держать.

Как я убедилась, у Нэнни есть характер. Так что же ее заставило всю жизнь посвятить воспитанию чужих детей? Как бы так выяснить осторожно?

Дожидаюсь, когда за Нэнни закроется дверь. Медленно считаю до десяти.

– Аaaa! – кричу шепотом. – Bay! Bay! Bay! Собственная библиотека! Да какая!

Я ношусь по комнате. Залезаю на лесенку и оглядываю всё с высоты. Спрыгнув, бегу к окну. Усаживаюсь на подоконник и болтаю ногами. Снова бегу в кабинет.

Через три минуты, выплеснув эмоции, я стою у стеллажа с хозяйственной летописью Торнхейма.

На полке по десять книг, заполнено пять полок. Значит, перед моими глазами – пятьдесят лет истории. Беру самую последнюю книгу. Едва успеваю открыть, как в библиотеку входит Нэнни.

– Эти бездельницы скоро придут, – ворчливо сообщает. – Я вот только не понимаю, почему везде такая пыль? Дом должен быть готов принять хозяев в любую минуту! Даже если хозяева не приезжали двадцать лет. А со стороны Ламли

верхом неприличия было сослать нас сюда. И даже письма не отправить с предупреждением!

А на мой взгляд, верхом неприличия вообще было жениться на Эмилии!

– Нэнни, эти записи, – машу перед ее лицом журналом, – помогут нам поднять Торнхейм.

– Эмилия, леди не должна...

– Отлично! – восклицаю. – Раз леди никому ничего не должна, леди будет делать то, что сочтет нужным.

Знаю я, что Нэнни хотела сказать не это. Но ей придется привыкнуть.

– Я завтра в деревню пойду.

– Пешко-ом? – чуть не в обморок падает Нэнни.

– Да что тут идти, – отмахиваюсь.

– Но у нас есть карета! Леди в деревню пешком не ходят!

О нет, только не карета! Меня встряхивает только от одного упоминания о ней. Я в этот ящик сяду только от большой необходимости! Лучше уж на телеге.

– Напрямую через поля будет быстрее, чем тащиться по пыльной дороге. Или вообще верхом.

– Верховых лошадей нет. Да и ты верхом ездить не умеешь.

Я-то точно не умею. У нас всё как-то больше машины. А вот Эмилия почему нет?

– Тогда пешком, – ставлю точку. – Но и верхом хочу научиться.

– Пешком я не смогу тебя сопровождать. Я столько не пройду. А леди не может одна...

– Возьму Корин и Мэнди, – перебиваю нянюшку.

Я стараюсь слишком сильно не радоваться, что Нэнни с нами не пойдет. Спокойно прогуляемся, поболтаем.

Я уже в предвкушении!

– Пойду к портнихе. Хочу заказать штаны. Еще нужно где-то купить удобную обувь.

В изящных ботиночках Эмилиии можно только красиво ходить по тротуару, но не копать грядки.

– Ужасно неприлично, – поджигает губы Нэнни. – Ни разу в жизни штанов не носила!

Ой, ну и зря. Это очень удобно. Особенно для... да для всего.

– Нэнни, я тебя и не заставляю их носить. Себе покупаю. Не переживай так, – улыбаюсь нянюшке.

Нэнни смотрит на меня хмуро. Уверена, она сейчас очень старается не разразиться очередной порцией нотаций и правил. Нет, знание этикета нужно подтянуть, не спору. Но следовать всем безумным, мешающим жить правилам – зачем?

Будем искать компромисс.

Снова открываю журнал.

– Миссис Эмилия, мы пришли! – сообщает Корин.

Со вздохом захлопываю журнал и ставлю на полку.

– Отлично. Я хочу начать уборку кабинета и библиотеки.

– Я бы начала со столовой, – ворчит Нэнни.

– В столовой неудобно работать, – парирую я.

Мэнди и Корин прыскают со смеху. Но тут же старательно пытаются вернуть себе подобающий вид.

– Я в воду немного лавандового мыла покрошила, – Мэнди ставит на стол таз. – Так лучше пыль смывать. Да и пахнуть будет приятно.

– Мебель нужно восковой полиролью натирать, – долго молчать у Нэнни не получается.

– Была б она еще, – усмехается Корин.

– Я сама протру стол, – подхожу и беру тряпку из тазика. Выжимаю.

– Леди? – удивляется Мэнди. – Но как же...

– К делу, – командую. – Скоро стемнеет.

Озадаченная горничная берет вторую тряпку. Она постоянно поглядывает в мою сторону. И на ее лице становится всё больше и больше удивления.

– Миссис Эмилия, а где вы научились так хорошо вытирать пыль?!

Вот черт! Ну что тебе стоило промолчать, а?

Медленно выдыхаю. Кто ж знал, что такое простое действие будет выглядеть так подозрительно?

– Наблюдала за горничными. Не вижу в этом ничего сложного.

Мое объяснение Мэнди принимает, но всё равно косится с подозрением.

– Шторы сегодня нужно снять. Завтра стирать будем. Как

окна вымоем, влажные шторы обратно повесим. Пусть на месте сохнут.

– Хорошо, миссис Эмилия, – соглашается Мэнди.

– Еще завтра в деревню пойдем, – продолжаю говорить, вытирая шикарный малахитовый набор. – Мне нужно к портнихе.

– Вы пешком пойдете? – удивляется Корин.

– А можно ходить не пешком? – усмехаюсь я.

Лишь бы тело Эмилии выдержало. Я-то много ходила пешком. Легко бы дошла. А эта тростинка? Не знаю. Но попробую. В карете еще хуже.

Нэнни, усевшись на диванчик, наблюдает над суетой. Не лезет под руку, уже хорошо.

Приходится раза четыре сменить воду, прежде чем становится чисто. Ковер тоже скатали и вынесли, чтобы почистить.

– На сегодня всё, – устало произношу. – Завтра закончим

Темнеет, и без свечей уборку продолжить невозможно. Но в кабинете и библиотеке уже не пахнет пылью, а витает легкий аромат лаванды. Не понимаю, почему этот запах Нэнни так не нравится?

Горничные собираются уходить, но я уже, кажется, вживаюсь в роль хозяйки:

– Мэнди, принеси мне сюда чаю и половину свечи. Передай Томасу, что я его жду. И согрейте мне воды, перед сном ополоснуться нужно.

– Как прикажете, миссис Эмилия.

Сделав книксен, Мэнди уходит, прихватив таз и тряпки. А я падаю в кресло. Ой, как руки-ноги подрагивают противно.

– Без тебя бы горничные убрались. Но то они и прислуга, – после долгого молчания ворчит Нэнни.

– И это заняло бы больше времени. А я хочу привести в порядок Торнхейм как можно быстрее.

– Я не могу смотреть спокойно, как ты делаешь уборку!

– Ну так выйди, чтобы не видеть.

Отворачиваюсь к окну. Не хочешь помогать, так не мешай.

Я всё понимаю, у Нэнни весь привычный мир рухнул. Так и у меня тоже. Я вообще в чужом теле и в чужом мире. И если не буду ничего делать, кукушечка моя отлетит.

– Эмилия, и всё равно...

Да, блин! Угломонится она или нет? Как ее столько лет терпели? Или это к старости и из-за потрясений характер испортился?

– Нэнни, мне сколько лет?

Мой вопрос ставит нянюшку в тупик.

– Двадцать.

Киваю. Задаю следующий вопрос:

– Я считаюсь взрослой?

– Да, – отвечает почему-то неуверенно.

– Так почему ты всё время разговариваешь со мной, будто мне пять?

Простой вопрос очень озадачивает нянюшку. Она молчит долго.

– Потому что ты леди, и должна вести себя соответственно, – не сдается Нэнни.

Но произносит это уже без своей железобетонной уверенности.

– Ведь воспитанные леди ведут себя даже в одиночестве так, словно на них смотрят, – добавляет она.

Бедные леди, мне их искренне жаль!

– Хозяйка, можно? – от неожиданно раздавшегося голоса Томаса я подпрыгиваю, а Нэнни сразу принимается ругаться:

– Старый пень, когда ты запомнишь, что надо стучать!

– А когда ты запомнишь, что не надо людям пихать свои приличия во все места?

Томас не испытывает ни капли страха перед Нэнни.

– Хозяйка, я принес свечу, – он медленно и устало идет к столу. – И это, в деревню завтра собралась?

– Да, – киваю.

– Сходи. С людьми познакомься, – одобряет Томас.

Подойдя, ставит свечу на стол. Зажигает ее какой-то хитрой штучкой.

– Благодарю.

– Я это, подумал, – Томас усаживается на стул.

– Тебе не разрешили, – пытается уколоть его Нэнни, но конюх пропускает ее слова мимо ушей.

– Так вот, лошадам сейчас травы достаточно, а вот зерна

бы добавить. Хотя бы пару мешков овса прикупить сейчас. Буду хоть по кружке выдавать. К осени конюшню поправить надобно. Навес для сена починить. А старые доски сгодятся на твои грядки. Только это, один я не справлюсь. Помощник нужен.

– Я попробую завтра решить вопрос с овсом, – взяв огрызок карандаша, пишу первый пункт.

Перьевыми ручками я писать не умею, да и чернильница всё равно пуста.

– А чтобы искать помощника, нужно знать объем работы. А может, плотника нанять? Так проще не будет?

– Будет, – соглашается Томас. – Но и дороже выйдет.

Смотрю на Томаса. Он очень стар. Боюсь, даже с помощником ему будет слишком тяжело. Значит, нужен плотник.

– На крышу черепицу надо. Воду без мага не починим. Да амулеты нужны, чтобы снег зимой не сдувало. У нас тут ветра иногда такие, с ног сбивают ярога.

Не сразу понимаю, о ком говорит. Наконец, память подкидывает образ быка, встреченного по дороге.

А на таких амулетах мы сэкономим. Всякие ветки отлично с этим справятся.

В библиотеку тихо входит Корин.

– Миссис Эмилия, ваш чай. Вода уже греется.

– Благодарю. Я поднимусь через полчаса примерно.

Потому что дольше вряд ли выдержу. Очень хочется помыться.

Дальше под диктовку Томаса записываю первоочередные задачи. За окном совсем темно, и я заканчиваю со списками на сегодня. Надо, чтобы половинки свечи хватило помыться.

Попрощавшись с конюхом, поднимаюсь в свою комнату.

– Эмилия, я помогу, – Нэнни пытается вломиться ко мне.

– Мэнди поможет, – я останавливаюсь в дверях. – Спокойной ночи, Нэнни, – твердо даю понять, что больше опекать себя, как маленькую, не позволю.

– Миссис Эмилия, я воду принесла, – робко говорит Мэнди.

– Проходи, – распахиваю дверь шире.

Мэнди вносит два ведра, а следом за ней топает Барсик с совершенно хозяйским видом.

Кажется, у меня будет замурчательная компания.

– Тыпустишь уличного кота в комнату? – приходит в ужас Нэнни.

Барсик останавливается. Лениво оборачивается. Всем видом говорит: «А кто посмеет не пустить?».

– Конечно. Я пушу его даже в кровать!

Глава 12

Барсика приглашать не пришлось. Пока я мылась, он сам развалился на кровати, заняв ее добрую половину.

– Подлец, – ласково обзывает его Мэнди. – Сосиску слопал, теперь можно и спать. Но красавец.

– Я таких никогда не видела, – признаюсь.

– А таких и нет, – смеется Мэнди. – Эти северные горные коты. Они только у нас водятся. Дикие обычно. Барсик или потерялся, или мамка сгинула. Вырос, мог и уйти. А он нет, прижился. Иногда неделю нет, гуляет где-то.

Ага, и получился хороший деревенский котик.

– Какой ты пушистый. Ну просто облако меха, – я подхожу к кровати. – Чесать тебя надо и носки из твоей шерсти вязать.

– А я сыночку носочки связала. Тепленькие такие. Ноги не мерзнут, хоть ботиночки худоваты, – с улыбкой говорит Мэнди.

– Где Бобби? – я вспоминаю, что мальчишку сегодня не видела.

– Спит уже. Весь день с друзьями бегал где-то. Лето. Детишкам раздолье.

У меня в голове сразу возникают всякие тревожные мысли, но я их гоню. Мэнди виднее, как воспитывать своего сына. Да и она производит впечатление адекватной женщины.

– И ты иди отдыхать, – говорю ей. – Благодарю за помощь. А, и еще. Завтра разбудите меня рано.

– Слушаюсь, – кивает Мэнди. – Спокойных снов, миссис Эмилия.

– Спокойных снов.

Мэнди уходит, а я поворачиваюсь к Барсику.

– Тебе придется подвинуться. Ты почти всю кровать занял.

Но Барсик и ухом не ведет. Сладко зевнув, закрывает глаза.

– Понятно, – бормочу, и задуваю свечу.

Я устраиваюсь с краю. Котик растягивается на всю кровать.

– Двинься, – пихаю его. Бесполезно. – Что ж.

Закрываю глаза. Засыпаю я быстро. День выдался непростым.

– Хррррр! Хррррр! – под ухом заводится трактор. – Мя-мя-хрррррр!

– Ты еще и храпишь! – моему возмущению нет предела.

– Хрррр! Мя-хррррр!

– Барсик! Имей совесть! – я пытаюсь спихнуть кота с кровати.

Но откуда у котов совесть? Поэтому приспособливаться приходится мне. Еще раз толкаю кота, в этот раз ногами. Барсик переворачивается и затихает. Ура! Я снова закрываю глаза, уже почти сплю...

– Мя-хрррр. Хрррр!

Но усталость берет свое, и засыпаю. Я буквально на минутку закрываю глаза, а в дверь уже громко стучат.

– Миссис Эмилия. Миссис Эмилия.

– Кому там срочно понадобилась эта Эмилия. Позвонить нельзя? – ворчу. – Чего не спится в такую рань?

– Мау-у-у, – лениво зевает Барсик.

И только сейчас до меня доходит, что миссис Эмилия – это же я. И стучат в дверь моей комнаты.

– Миссис Эмилия, вы просили вас разбудить!

– Входи, Мэнди! – кричу. – Барсик, пора вставать. Утро пришло.

Кот открывает один глаз, в котором ясно читается: «Тебе надо, ты и вставай». Ну я и встаю, а что делать?

– Доброго утречка, миссис Эмилия, – в комнату входит Мэнди с ведром воды. – Я вот вам умыться принесла. Корин готовит завтрак.

– А Нэнни?

– Спит, – Мэнди опасливо оглядывается на дверь. – Будить?

– Не надо.

Надеюсь, крики Мэнди нянюшку не разбудили. Потому что я хочу кое-что сделать, пока Нэнни не видит.

– Мэнди, помоги мне умыться. А потом мы с тобой отберем то, что можно продать в деревне.

Барсику на нашу суету плевать. Он продолжает спать, как

будто ночью вагоны разгружал. И не храпит! А мы, одев меня снова без корсета, аккуратно распарываем одно из платьев. На верхней юбке несколько метров ткани. Да и ткань нижних юбок Мэнди тоже одобрила.

– Все кружева я сама осторожно сплела. Выстираю и натяну, будут как новенькие. Так дороже продать получится, – строит планы, споро работая ножницами. – Какая ткань на нижних юбках хорошая. У нас такой и не купить. Как бы мне хотелось сорочку из такой, – мечтательно говорит.

– Бери, – я протягиваю ей парочку подъюбников.

Стыдно ужас как, но сейчас другой возможности отблагодарить Мэнди у меня нет. Но как только появится хоть копеечка лишняя, сразу отблагодарю преданных слуг.

– Да вы что! – Мэнди прячет руки за спину. – Дорого!

– Бери! – настаиваю.

– Правда?

Киваю. Мне ужасно неловко от радости, вспыхнувшей в ее глазах. Мэнди радуется двум ношеным подъюбникам.

– Ой, сошью себе сорочку, – она берет юбки. – И Бобби сошью рубашечку праздничную. Вышивкой украшу, будет у меня сынок красивый ходить.

Мэнди радуется, а я кусаю щеку изнутри, чтобы не заплакать.

Разобрав платье, Мэнди аккуратно складывает крупные куски ткани.

– Всё равно жалко, красивое было, – она нежно проводит

по ткани ладонью.

А меня волнует только одно – купит ли ткань портниха и за сколько.

– Идем завтракать, – говорю, поднимаясь с пола. – Нужно еще сделать несколько дел перед походом в деревню.

Выходим из гардеробной.

– Эй, нахал лохматый, завтракать идешь? – шутливо спрашиваю у кота.

Секунды не проходит, как он уже на полу. Выходит первым. Походка у него очень важная. А задранный пушистый хвост развевается как флаг.

Выходим в коридор. Нэнни еще спит. Вот и хорошо.

Мы спокойно завтракаем. А потом идем мыть окна в библиотеке и стирать шторы. Шикарная ткань портьер, намочнув, становится очень тяжелой. Втроем мы едва справляемся. Нет, всякие амулеты для уборки нужно купить как можно быстрее. Иначе придет конец рукам и спинам.

На второй завтрак спускается Нэнни.

– Опять не в столовой, – ворчит она. – Могли бы встать пораньше и сделать там уборку. Где это видано, леди ест на кухне!

– Нэнни, мы сейчас пойдем в деревню, – меняю я тему.

– Тебе нужно переодеться и причесаться. В таком виде появиться на людях – позор для леди.

Нэнни настаивает на красивом платье и подобающей прическе, чтобы все видели – перед ними графиня Арундел. Но

я одеваюсь очень просто. Да и с прической не мудрю.

– И всё равно неприлично тебе идти без компаньонки, – ворчит Нэнни, стоя на крыльце. – Неприлично.

– Отцепись от девочки. Никто ее здесь не украдет, – говорит Томас, и с усмешкой добавляет: – Ну разве что дракон.

– Ты что, старый пень, болтаешь? – Нэнни замахивается на Томаса клюкой.

Мы, хихикая, быстро уходим, оставляя эту парочку разбираться самим.

– Мам, мам! Я курочек покормил! Я иду с вами! – кричит Бобби, догоняя нас.

– Мой помощник, – гордо улыбается Мэнди. – Конечно, милый. Покажешь леди короткую тропинку?

– Я знаю все тропинки, – задрав нос, гордо заявляет мальчишка. – Идемте, леди, – произносит очень по-взрослому.

Такой славный мальчуган!

Он важно вышагивает по дороге, покрытой камнями на манер крупной брусчатки. Но через десяток метров сходит на тропинку.

– Напрямки ближе.

– Веди, – улыбаюсь ему.

И Бобби медленно идет несколько минут. Но ему это быстро надоедает, и он срывается на бег. Он успевает убежать вперед, вернуться, снова убежать.

– Сколько энергии, – смеюсь я. – Славный мальчуган.

– Бобби очень смысленный, – Мэнди улыбается. – Вот бы

отдать его в школу. Он учиться любит, хоть и непоседа. Только дорого. Пойдет в подмастерья к кому-нибудь. Кто взять захочет.

Вздыхаю. Я бы научила мальчишку многому, но мои знания в этом мире вряд ли пригодятся. А чему учат здесь, я просто не знаю.

– К плотнику пусть идет, – советует Корин. – Хорошую мебель всегда покупают. – Или к гончару. Будет нам посуду делать.

Мальчишке только семь, а Корин с Мэнди всерьез обсуждают, чем он должен заниматься, чтобы прокормить себя.

– Леди! Леди! – Бобби мчится к нам, в руке сжимая пучок цветов. – Это вам! – смущаясь, протягивает мне потрепанный букетик.

– Благодарю, – произношу серьезно и важно, принимая цветы. – Они очень красивые.

Бобби снова уносится. Так и бегаёт кругами. И ведь не устает. А я чувствую, как начинают гудеть ноги.

Идем мы уже не меньше часа через какое-то поле. Корин и Мэнди, привычные к таким нагрузкам, не устали.

Они обсуждают, сколько может дать портниха за ткань. Что из продуктов можно будет купить. А я просто заставляю себя переставлять ноги.

И не передать словами, как я рада увидеть дома!

Поле заканчивается, тропинка дальше идет через луг. На лугу пасутся овцы, за которыми присматривают дети.

– Вот, леди! – кричит Бобби, показывая на меня пальцем.
– Я же говорил, она красивая!

Все, кто был поблизости, сразу оборачиваются. Женщины замолкают на мгновение.

– Леди Арундел. Леди Арундел, – начинают шептаться.
– Доброго дня, – смущенно произношу.
– Доброго, – отвечает самая бойкая из женщин. – Вернулись, значить. На матушку сильно похожи. Прямо одно лицо.

– Да, мы очень похожи, – произношу осторожно.
– А что делать будете? – спрашивает женщина.
– Мэрит, нам сейчас некогда, – на полшага вперед выступает Корин. – Идемте, миссис Эмилия. Нам нужен пятый дом.

Корин идет через луг первой. У нее такой вид, будто готова в любую секунду броситься на мою защиту.

– Нищая графиня приехала, – несутся шепотки в спину.
– Муж выгнал, вот и притащилась.

– Не слушайте их, – шепчет Мэнди. – Мэрит просто любит посплетничать, а что-то интересное у нас происходит редко.

– Мелиссу... мою маму не любили? – догадываюсь я.
– Любили, – отвечает Корин. – Пока Нэнни не приехала. Это нам Томас рассказывал. А потом деревенские решили, что их бросили. Леди Мелисса как уехала, ни разу больше не приезжала в гости. И вас не привозила.

Та-ак, похоже, мне предстоит разобраться в местных хит-

росплетениях.

– Доброго дня, леди, – со мной здоровались все.

Женщины слегка приседали, мужчины отделялись кивком. Наверняка нарушали этим десяток правил приличия. Мысленно смеюсь, представив, как всех подряд отчитывала бы Нэнни.

Мы подошли к небольшому домику, огороженному низкой изгородью. Перед домиком по обе стороны от короткой дорожки разбиты клумбы. Как и возле всех домов. Деревенка маленькая, но такая ухоженная, как с картинки. На улице все чистенько и красиво. Все хозяйственные постройки вынесены на задние дворы.

Корин смело вошла в калитку.

– Ханна, ты дома? – поднявшись на крыльцо, постучала в дверь. – Ханна!

– Дома! – в открытом окне показалась рыжеволосая женщина. – Заходи, Корин. А с тобой кто? Леди Арундел?

– Доброго дня, – улыбаюсь я.

Не стоит удивляться, что меня, то есть Эмилию, здесь знает уже каждый.

Корин открывает дверь и входит первой, придерживая ее для меня.

– Хотите заказать что-то? – сразу спрашивает Ханна, даже не выходя из комнаты. – Только я не умею шить шикарные платья.

– Нет, мне не нужно платье. Я хочу заказать штаны, – от-

вечаю, заглядывая в комнату.

Посередине стоит огромный закроечный стол, разложены ножницы, линейки и куски тканей.

– Серебряный, – Ханна окидывает меня внимательным взглядом. – Готовы будут через неделю.

– Ханна, на бы... – начинает Корин.

– В долг не шью, – сразу обрубает портниха.

– Мы ткани принесли. Посмотри, – Корин входит в комнату. Ставит корзинку на стол, и начинает доставать ткань. – Смотри, какая красота.

Ханна цепко хватает ткань. Трет ее пальцами.

– Она не новая, – говорит, поднимая на меня пронизательный взгляд. – Платье распороли?

– Да какая разница, – неискренне смеется Корин. – Ты посмотри, какая красота! Можно блузы пошить. Или жилеты нарядные.

– И много? – прищуривается Ханна.

– Ну вот, – Мэнди ставит вторую корзинку. – Еще на сорочки смотри какая. Настоящий хлопок.

Ханна начинает перебирать ткань. Рассматривает каждый кусок.

– Два серебряных, – говорит, придвигая ткани к себе. – За всё.

– Да тут только шелка на десять! – возмущается Корин.

– Хорошо, – с деланной легкостью отказывается Ханна. – Ищи, кто купит за золотой.

Портниха точно знает, за золотой у нас здесь эту ткань никто не купит.

– Пять серебряных, – я начинаю торговаться.

– Три с половиной, больше не дам, – твердо произносит портниха.

– Три с половиной и штаны, – вношу следующее предложение.

– Три и штаны, – продолжает аукцион Ханна.

– Согласна, – я протягиваю руку ладонью вверх.

Эх, не видит меня Нэнни!

Глава 13

От портнихи мы уходим, получив увесистый кошелек с монетами. Три серебряных она выдала медью.

Я прям собой горжусь!

Судя по виду Мэнди и Корин, они тоже мной гордятся. Переглядываются и улыбаются.

Итак, деньги у нас появились. Теперь мне нужно выяснить, насколько это существенная сумма и как ее потратить с максимальной пользой.

– Где-то был список, – я роюсь в своей корзинке. – Томас очень просил купить хоть два мешка овса.

Найдя бумажку, разворачиваю. Этот список не очень длинный, и первым пунктом стоит овес.

– Семнадцать медяков за мешок, – озвучиваю я цену. Кто бы подсказал, это много или мало. – А мешки нам самим тащить?

Эта мысль меня пугает. Сомнительно, что есть доставка.

– Привезут, – смеется Корин. – Только бы нашлось, у кого купить. Только отсеялись, урожай еще ждать и ждать.

– Давайте искать.

Мы обходим несколько дворов, и с большим трудом уговариваем продать нам три мешка по двадцать монет. Но даже я знаю, что лошадей нужно кормить хорошо, иначе они работать не смогут.

– Дальше куда? – спрашиваю, убирая кошель в корзинку.

– Мяснику бы хоть часть долга отдать, – смущенно про-
износит Корин. – И молочнице. Я с вашим приездом у них
брала продукты.

– Хорошо, – киваю. – Веди.

– А еще немного бы свечей купить, – добавляет Мэнди. –
И мыло. Хоть два куска.

В итоге от трех серебряных остается жалкая горстка мо-
нет. А мы снова должны деревенским за продукты.

Нет, всё же нужно сажать свой огород и делать заготовки,
деньги слишком быстро утекают. А я сейчас не знаю, смогу
ли придумать, как их зарабатывать.

– Бобби, мы домой! – кричит Мэнди, когда подходим к
лугу. – Ты с нами или еще поиграешь?

Точнее, я доползаю. Ноги гудят просто ужасно. Но я ста-
раюсь не показывать свою усталость.

– Мам, я есть хочу! – на бегу отвечает Бобби.

– Тогда давай домой.

Мэнди считает Торнхейм своим домом. Но если подумать,
так оно и есть.

Бобби уносится по тропинке. Мэнди с Корин идут следом,
заводя разговор о хозяйственных делах. Я плетусь следом.
Передвигаю ноги из последних сил, а женщины идут легко.
Да еще и несут полные корзинки, тогда как моя практически
пустая.

Обратная дорога кажется бесконечной. Я чуть не плачу,

когда замечаю облезлые стены Торнхейма. Последние метры преодолеваю на чистом упрямстве.

Вот тебе и сбегала быстро в деревню! Всё, на сегодня я отбегалась.

Нэнни, завидев нас, поднимается со ступени. Неужели все время просидела тут?

– Эмилия, детонька! – кричит она. – Как ужасно ты выглядишь! Такие прогулки не для леди! Надо было брать карету!

Нет, нет и нет! Только не эта карета!

У меня даже сил прибавляется. Я хочу побыстрее дойти хоть до какого-нибудь стула.

– Почему так долго? – продолжает сыпать вопросами Нэнни. – Ты сама ходила в лавки?

– И даже к мяснику, – привожу в ужас нянюшку.

Вползаю в дом. Подъем по лестнице ужасает. Нет, в комнату я не доползу. Поэтому сворачиваю в кабинет. Там есть диванчик. И широкий подоконник.

– Мэнди, мне бы попить, – вяло прошу.

Добравшись до кабинета, падаю на диван. Сразу снимаю красивые ботиночки, и закидываю ноги на подлокотник. Мамочки, как это прекрасно!

– Эмилия! – Нэнни тут как тут.

– Тихо, – я прикладываю к губам указательный палец.

В кабинете прохладно. Мэнди приносит остывший отвар, чуть мятный и сладковатый, отдаленно напоминающий лимонад.

– Корин просила передать, что обед будет через час.

– Хорошо, – устало киваю.

Нэнни что-то ворчит, но я ее не слушаю. У меня глаза закрываются, и я просто засыпаю. Спят ли днем на диване в кабинете истинные леди, меня ни капли не волнует.

Короткий отдых немного восстанавливает силы, но на большие трудовые свершения я не готова. Тело Эмилии слишком уж изнеженное.

Поэтому после обеда я сажусь за шикарный «директорский» стол. Нужно свести бухгалтерию и прикинуть порядок цен.

По памяти восстановив траты, а на память я никогда не жаловалась, подсчитываю, что в одной серебряной монете сто медных. Остатки этих медяков лежат передо мной на столе. Монетки привычные круглые, на одной стороне профиль мужика в короне – короля, а на другой скрещенные мечи и между ними звезда.

Тридцать семь медяков. Негусто. А итоговый расход за сегодня – два серебряных и шестьдесят три медяка. И долгов осталось еще на шесть серебряных.

Сколько нужно денег на предстоящие расходы, я даже не представляю. Срочно нужно продать что-то дорогостоящее.

А где это лучше всего сделать, знают Мэнди и Корин.

Втроем мы собираем совет в кабинете, пока Томас отвлекает Нэнни. Корин принесла чай и суховатое домашнее печенье. Нэнни печенье раскритиковала, пришлось довольно

жестко попросить ее замолчать. Пусть скажет спасибо, что пьем не воду и не корочку хлеба грызем.

– Через три недели в Инвери будет небольшая ярмарка, – подумав немного, говорит Корин. – Там можно попробовать продать кружева и стеклярус с платья. Только его нужно спороть и разобрать. Может, какие-то статуэтки попроще продать удастся.

– А всё дорогое можно попробовать продать на ярмарке в Эйнире, – добавляет Мэнди. – У нас и карета теперь есть!

Бррр, карета! Как вспомню – так вздрогну.

– Значит, к ярмарке нам надо подготовить ткань, кружева и стеклярус, – подытоживаю я. – И список покупок составить. Может, там зерно и доски дешевле будут.

– И что-то испечь можно, – предлагает Корин. – На ярмарках хорошо покупают еду, чтобы перекусить на ходу.

– Хорошая идея, – соглашаюсь. – Давайте сегодня ничего тяжелого не начинать. Предлагаю выбрать платья и начать их распарывать. Кружева же надо подготовить. А завтра с утра начнем приводить в порядок сад и огород.

Мой план Корин и Мэнди одобрили, но вот Нэнни была категорически против!

Нянюшка, полыхая злостью и негодованием, шла за мной по коридору, стуча своей клюкой особенно сильно и раздраженно.

– Старый пень! Да как он смеет мне указывать! Заявил, что и без меня там разберутся! Да что вы без меня могли

придумать?!

Я кусаю губу, чтобы не засмеяться. Томас молодец! Я очень ему благодарна, что он на моей стороне. Старый конюх очень обрадовался, когда привезли к вечеру три мешка овса.

«Настоящая хозяйка» – сказал он, и это лучший комплимент, который я могла услышать.

– Эмилия, рассказывай, – у Нэнни лопнуло терпение.

– Да ничего такого, – я вхожу в свою комнату, нянюшка за мной. – Мы решили продать кружева и стеклярус с моих платьев на ярмарке.

– Нет! – хватается за сердце Нэнни.

– Да, – с широкой улыбкой говорю я. – Надо распороть два или три платья. Сейчас выберем и распорем на детали. А завтра днем ты начнешь спарывать кружево осторожно. Возьмешь ножнички из вышивального набора. Они отлично подойдут.

– Да никогда! – восклицает Нэнни. – Это венизское кружево! Разве ж здесь его купят по настоящей цене?

– А сколько оно стоит?

– Да не меньше десяти серебряных за элл!

– Отлично! – хлопаю в ладоши. – Значит, за семь можно продавать.

Я только выясню, что такое этот загадочный «элл».

– Не позволю! – Нэнни прижимается спиной к двери гардеробной, но меня уже не остановить.

Еще два платья попроще отправляются на разбор. Под

причитания Нэнни мы распарываем платья, раскладывая куски ткани по размерам.

– Нэнни, завтра ты аккуратно спорешь кружево. А сейчас всем отдыхать! – командую я.

– Такие платья распорили, – причитает, уходя, Нэнни. – А если к герцогу ехать? А в чем на прогулки ходить?

Ага, прогулки по полям и лугам в шикарных платьях. Чтобы ободрать эти платья о кусты и камни. Нет, при первой же возможности куплю рубахи, куртку и удобную обувь. На ярмарке точно будет из чего выбрать.

Пока умываюсь и переодеваюсь, мысленно прокручиваю списки дел, пытаюсь выстроить алгоритм. А то, хватаясь за все подряд, можно ни одно дело до конца не довести.

В кровать я буквально падаю. Со стоном блаженства вытягиваю ноги. Жаль, Барсик где-то гуляет. Есть в этом сером котяре что-то успокаивающее. Не так одиноко, когда он рядом, что ли.

Но сегодня Барсик ушел по своим важным кошачьим делам, и кровать полностью моя.

Я только закрываю глаза, а в дверь уже стучат. Доброе утро, блин.

Охая и поскрипывая всеми косточками, сползаю с кровати.

– Доброго утра! – здоровается Мэнди, входя в комнату. Она уже согрела воду для умывания и принесла.

– Угу, – сонно бурчу.

Так начинается очередной мой день в Торнхейме. Как мне ни лень, я всё равно делаю зарядку. Умываюсь, одеваюсь и спускаюсь завтракать. Нэнни еще спит, и я, какой ужас!, завтракаю со слугами. Отличная компания, хочу сказать.

– Благодарю, Корин, – Томас довольно крикает. – Готовишь ты ну просто язык проглотишь.

И этим Томас кардинально отличается от Нэнни. Нянюшка только критикует.

– Идем, хозяйюшка, кой-чего покажу, – зовет за собой. – Вы пока в деревню ходили да совет держали, я эти твои грядки сделал.

– Да?! – меня это очень радует.

Томас ведет меня в огород через черный вход. Так получается намного короче.

– Вот, – он гордо обводит рукой три высокие грядки.

– Превосходно! – от радости целую его в щеку, и Томас смущается.

Три длинные грядки удобной ширины огорожены старыми, кое-где подгнившими досками на полметра в высоту. Отлично! На самый низ можно укладывать ветки.

– Мне нужны садовые инструменты, – я полна энтузиазма.

– Всё подготовил. Только это, – он чуть мнетя, – не побрезгуйте старые перчатки взять. А то ручки свои попортите.

– Обязательно, – от заботы на душе тепло.

С Томасом мы приносим весь садовый инвентарь, имеющийся в наличии. Я натягиваю очень потертые мужские пер-

чатки и приступаю к обрезке деревьев.

– Ой и ловко у вас получается, леди, – восхищается Томас.

– У истинной леди получается всё, – подмигиваю ему.

С пилой в руке и застаёт меня Нэнни.

– Эмилия! Слезай немедленно!

Ну, началось!

– Нэнни, напоминаю, у тебя тоже есть дела. К ярмарке нужно подготовить ткань, кружева и стеклярус. Вот и займись этим!

Похоже, до нянюшки впервые доходит, что я окончательно отбилась от рук. Ворча себе под нос, она уходит в дом. А к нам прибегает Бобби. Смышлёный мальчишка быстро схватывает, что и как нужно делать. И у меня появляется шустрый помощник.

Даже Барсик приходит. Развалившись на траве, взирает на творящуюся суету.

Так проходит день за днем. Я привожу в порядок сад и копаю огород, мне старательно помогают Бобби и Томас. У Корин с Мэнди тоже полно дел. И даже Нэнни ворчит уже больше по привычке, тщательно сортируя стеклярус.

У меня болят все мышцы, на руках и ногах мозоли. У Корин есть мази, без них мне пришлось бы совсем туго. Но зато глаз радуют пока маленькие, едва заметные преобразования.

Барсик перестал уходить надолго. Он теперь с важным видом прораба по десять раз на день делает обход Торнхейма, а потом укладывается неподалеку от меня. Иногда гоняет ба-

бочек и ящериц или роет ямки. Явно считает, что помогает вскапывать огород.

А я веду с ним беседы, вслух проговаривая планы на наше выживание.

– Пшшшшш! – вдруг очень громко и угрожающе шипит он.

– Барсик, ты чего? – удивляюсь я. А потом буквально подпрыгиваю от глубокого мужского голоса.

– Барсик? Ты назвала горного кота Барсиком?

– Пшшшшш! – еще воинственнее реагирует кот. Распустил хвост, вся шерсть дыбом стоит.

Ему чем-то не нравится мужчина, незаметно подкравшийся к нам. Незнакомец окидывает меня мрачным взглядом.

– Добрый день, – тоном даю понять, что для начала неплохо бы и поздороваться.

– Так-так-так, – усмехается он. – А вот и леди, которая сама копает огород. О тебе в деревне ползут интересные слухи.

– Да на здоровье, – отмахиваюсь. – А вы кто?

– Дракон, – с многозначительной улыбкой отвечает он.

И ждет моей реакции. Но какой? Я в обморок должна упасть, что ли?

– А-а-а, – тяну безразлично. Я слишком устала, чтобы впечатлиться.

– Я дракон, – нахмурившись, зачем-то повторяет.

– Я не глухая, я с первого раза услышала, – не понимаю,

что ему от меня надо.

Мужчина как мужчина. Даже симпатичный. А главное, на вид сильный. И пока дракон в удивлении смотрит на меня, предлагаю:

– Слушай, дракон, – я медленно окидываю его взглядом с головы до ног, – а ты копать умеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.